

Санкт-Петербургский государственный университет

Васильева Евгения Сергеевна

**Перевод шведских реалий на русский язык (по
произведениям Астрид Линдгрен)**

Диссертация
на соискание степени магистра филологии
по направлению 035700 “Лингвистика”,
программа “Иностранные языки в сфере профессиональной коммуникации”
профиль – шведский язык

Научный руководитель:
к. ф. н., доц. П.А.Лисовская

Санкт-Петербург

2016

Содержание

Введение.....	4
Глава 1 Теоретические обоснования перевода реалий	6
1.1 Перевод и переводоведение.....	6
1.2 Понятие «реалий».....	7
1.2.1 Реалия и термин.....	9
1.2.2 Реалия и имя собственное.....	10
1.2.3 Реалия и отход от литературной нормы.....	11
1.2.4 Реалия и иноязычное вкрапление.....	12
1.2.5 Реалия и внеязыковая действительность.....	13
1.2.6 Реалии в лингвистике.....	13
1.3 Особенности употребления реалий.....	15
1.4 Классификация реалий.....	16
1.5 Способы перевода и передачи реалий в художественном тексте.....	21
1.6 Особенности детской литературы.....	29
1.7 Идиостиль.....	33
1.8 Астрид Линдгрен.....	36
Выводы к первой главе.....	38
Глава 2 Перевод шведских реалий на русский язык.....	40
2.1 Названия еды и напитков.....	42
2.2 Устройство дома и быт.....	47
2.3 Имена собственные.....	49
2.4 Фразеологические единицы.....	51
2.5 Обычаи и традиции.....	55
2.5 Песни.....	59
2.6 Названия растений.....	63
2.7 Устаревшие реалии.....	64
2.8 Реалии, переводимые с использованием сноски.....	66
Выводы ко второй главе.....	69

Заключение.....	70
Список использованной литературы.....	71

Введение

В художественных текстах часто встречаются слова и выражения, которые можно отнести к какой-нибудь культуре. Они называются «реалиями». При переводе и передаче реалий на другие языки возникает ряд проблем, например в языке перевода может отсутствовать понятие, выражаемое реалией, или смысл понятия в одном языке будет отличаться в другом.

Актуальность исследования: реалии представляют собой особый пласт лексики, который называют «безэквивалентным». Это означает, что на данный момент не существует устоявшихся аналогов реалий в других языках. Реалии обладают национально-специфическим колоритом и являются носителями временного и культурного колорита. Существует множество работ, посвященных реалиям и проблемам их перевода. Большинство таких работ написано на материале английского языка. Поэтому изучение способов перевода реалий на материале шведского языка представляется актуальным.

Целью данного исследования является установление основных способов перевода и передачи шведских реалий на русский язык в рамках выделенной классификации.

Для достижения поставленной цели были поставлены следующие **задачи:**

— дать определение понятию «реалия», выявить особенности ее употребления, изучить классификации, предложенные различными исследователями, выявить основные способы перевода и передачи реалий;

— выявить и классифицировать реалии шведского языка, отобранные из произведений Астрид Линдгрэн;

— проанализировать варианты перевода реалий, предложить альтернативные и более адекватные аналоги, если в этом возникнет необходимость.

Объектом исследования являются тексты произведений Астрид Линдгрэн на шведском языке и их переводы на русский язык.

Предметом данного исследования стали способы передачи шведских реалий в текстах перевода.

Научная новизна и теоретическая значимость данной работы заключаются в том, что на данный момент не существует подобных исследований на материале шведского и русского языков.

Практическая значимость исследования состоит в том, что материалы могут быть использованы в теоретических курсах перевода и лексикологии, общего языкознания и стилистики шведского языка.

Апробация отдельных положений работы состоялась на филологической конференции, состоявшейся 23 марта 2016 года в РГПУ им. А. И. Герцена.

Работа состоит из Введения, двух глав — теоретической и практической, выводов к главам, Заключения и Списка использованной литературы.

Глава 1. Теоретические обоснования перевода реалий

1.1 Перевод и переводоведение

«Переводом называется процесс преобразования речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана содержания, то есть значения». Термин «план содержания» понимается максимально широко, имея в виду все отношения, в которых находится языковая единица. О сохранении неизменным «плана содержания» следует говорить только в относительно смысле. При межъязыковой трансформации имеет место неполная передача значений, выражаемых текстом подлинника. Следовательно, текст перевода никогда не может быть полностью эквивалентным тексту подлинника [Бархударов, 1975, 11].

Цель перевода состоит не в том, чтобы «подогнать» текст под чье-то восприятие действительности, а в том, чтобы сохранить стилистические, функциональные, коммуникативные и художественные особенности оригинального текста. Именно от соблюдения всех этих требований зависит адекватность перевода.

По Бархударову, «любое речевое произведение предполагает наличие следующих моментов:

1. предмет сообщения;
2. ситуация общения;
3. участники речевого акта (адресат и адресант), каждый из которых характеризуется наличием определенного опыта, как нелингвистического, так и лингвистического характера» [Бархударов, 1975, 31].

Чтобы текст перевода можно было назвать эквивалентным тексту оригинала, необходимо использовать переводческие трансформации — многочисленные и качественно разнообразные межъязыковые

преобразования, которые осуществляются для достижения переводческой эквивалентности [Бархударов, 1975: 190].

Говоря о переводе, следует различать два понятия: эквивалент и переводческое соответствие. В шведском данные понятия называются "ekvivalens" и "översättningsmotsvarighet". Различие между ними состоит в том, что "ekvivalens syftar på själva motsvarighetsförhållandet och översättningsmotsvarighet syftar på ett ord eller uttryck som funherar som motsvarighet" [Ingo, 1991: 82]. То есть, эквивалент относится к эквивалентному соответствию, а переводческие соответствия относятся к слову или выражению, которое функционирует как аналог.

Условие эквивалентности должно включаться в само определение перевода. Само понятие «эквивалентность» приобретает оценочный характер: «хорошим», или «правильным», переводом признается только эквивалентный перевод. Поскольку эквивалентность является условием перевода, задача заключается в том, чтобы определить это условие, указав, в чем заключается переводческая эквивалентность, что должно быть обязательно сохранено при переводе.

1.2 Понятие «реалий»

Говоря о реалиях, прежде стоит упомянуть такое понятие как «безэквивалентная лексика». Реалии относятся к данному пласту языка и представляют собой часть фоновых знаний носителя языка. Понятие «безэквивалентная лексика» можно определить как «слова, служащие для выражения понятий, отсутствующие в иной культуре и в ином языке, слова, относящиеся к частным культурным элементам, то есть к культурным элементам, характерным только для культуры А и отсутствующим в культуре В, а также слова, не имеющие перевода на другой язык, одним словом, не имеют эквивалентов за пределами языка, к которому они принадлежат» [Верещагин, Костомаров, 1980: 53]. Другой характерной чертой

безэквивалентной лексики является ее непереводаемость на другие языки при помощи постоянного аналога или устоявшегося соответствия. Но это не означает, что безэквивалентные слова и выражения совсем непереводимы.

Для достижения максимально адекватного перевода переводчик должен обладать некоторыми дополнительными знаниями о национальной специфике действительности, которая описывается в оригинальном тексте. Данные знания называются «фоновыми знаниями». Фоновые знания — это «совокупность представлений о том, что составляет реальный фон, на котором разворачивается картина жизни другой страны, другого народа» [Федоров, 1983: 146].

Реалии служат для сближения языка и культуры, с их помощью можно проследить связь между этими двумя понятиями. Реалия — сложное языковое, лексическое и грамматическое явление, охватывающее все пласты языка.

Не существует ни единого аспекта человеческой жизни, который не был бы связан с культурой. Это означает, что и реалии могут встретиться в любой сфере человеческой жизни, не зависимо от ее особенностей.

Разные исследователи предлагают разные определения понятию «реалия». Реалии — это «в классической грамматике разнообразные факторы, изучаемые внешней лингвистикой, такие, как государственное устройство страны, история и культура данного народа, языковые контакты носителей данного языка и т.п. с точки зрения их отражения в данном языке» [Ахманова, 1966: 381].

Реалия – это предмет, вещь, которая существует (или существовала) в культуре определенной страны. Часто понятие «реалия» связывают с понятием «жизнь» - «реалии европейской жизни». Согласно словарным определениям, это «всякий предмет материальной культуры», «предметы материальной культуры, служащие для номинативного значения слова» [Влахов и Флорин, 1986: 10].

Следует различать такие понятия, как реалия-предмет и реалия-слово. Если реалия-предмет — это та вещь или то понятие, которое является культурно-специфичным для данного языка и отсутствует в других языках, то реалия-слово — это та лексическая единица, которая служит для наименования таких вещей, понятий. Реалия-предмет имеет широкое значение, которое не всегда укладывается в рамки реалии-слова, так как является элементом внеязыковой действительности. Реалия-слово как элемент лексики данного языка представляет собой знак, при помощи которого такие предметы — их референты — получают свое языковое обличье [Влахов и Флорин, 1986: 12].

Реалии как единицы перевода делятся на: сокращения (ДК, ЗАГС); слова (*mangelbon, plättar*); словосочетания (*röda huset*); предложения (*Som en geting ur sitt bo*).

В целом, реалии можно определить, как слова, словосочетания, выражающие отсутствующее в данной культуре и в данном языке понятие. Они имеют национальную, историческую, культурную и бытовую окраску и лишены эквивалентов в других языках и культурах. В тексте перевода такие понятия часто сопровождаются необходимыми для понимания пояснениями.

1.2.1 Реалия и термин

У терминов и реалий есть сходные черты. В отличие от большинства лексических единиц, термины обозначают точно определенные понятия, предметы, явления. Чаще всего они однозначны и лишены синонимов, нередко иноязычного (обычно латинского или греческого) происхождения. Все это можно отнести и к реалиям. Более того, существуют понятия, которые одновременно можно отнести и к терминам и к реалиям [Швейцер, 1988, 147].

Однако существуют и значительные расхождения между ними. Реалии относятся к безэквивалентной лексике, в то время, как термины являются

единицами языка, переводимыми соответствующими эквивалентами, закрепленными в переводческой системе языка.

С точки зрения лингвистики реалии — это слова и выражения, называющие предметы или явления, характерные для одной культуры и отсутствующие в другой. Реалии свойственны, прежде всего, подъязыку художественной литературы, они описывают культуру данного народа, являются общеупотребительными для языка данного народа и отсутствуют в других языках. При переводе реалий подбираются адекватные эквиваленты, которые будут таковыми только в данном контексте, и которые обычно отсутствуют в словарях.

Термины, лишенные национальной окраски, относятся, в основном, к сфере науки, создаются искусственным путем, исключительно для наименования предмета или явления, с распространением которого получает широкое применение [Влахов и Флорин, 1986: 17].

Термин — элемент специальной научной литературы, в подавляющем большинстве случаев выполняет назывную функцию. Реалия же большей частью связана с художественной литературой, где является одним из средств передачи местного и временного колорита.

Но в тоже время в определенных случаях реалия может стать термином и наоборот, существуют языковые единицы, которые одновременно можно отнести и к первым, и ко вторым, поэтому в таком случае, чтобы отличить реалию от термина, следует опираться на контекст.

1.2.2 Реалия и имя собственное

Имена собственные также можно отнести к категории реалий. Они часто обладают национальной и культурной окрашенностью и используются в тексте для описания незнакомой для читателя действительности. Поэтому, различение имен собственных и реалий - сложный вопрос.

Основное отличие имен собственных от реалий состоит в том, что хотя и те и другие называют людей, объекты или процессы, характерные для определенной культуры, имена собственные относятся к единичным предметам, а реалии – к классам объектов. То есть, имена собственные «вне» языка не имеют значения или коннотации [Newmark, 1981: 70].

Но имена собственные не принято включать в категорию реалий. Их обычно рассматривают как отдельный класс безэквивалентной лексики, поскольку именам собственным присущи свои приемы передачи при переводе.

Основным принципом перевода имен собственных является то, что если у имени собственного еще нет устоявшегося переводческого эквивалента, необходимо соблюдать устоявшиеся нормы перевода. Если же имя становится широкоиспользуемым, то оно может адаптироваться к произношению и правописанию языка принимающей культуры.

Имена собственные, которые можно отнести к категории реалий, обычно являются наименованием персонажей фольклора. Такие имена собственные имеют яркую культурную и национальную отнесенность, часто в переводе сопровождаются сносками или внутритекстовыми пояснениями, могут обладать устоявшимися эквивалентами перевода, но такое случается далеко не всегда.

1.2.3 Реалия и отход от литературной нормы

Многие реалии можно позиционировать как отход от литературной нормы. Это возможно вследствие того, что реалии могут относиться к классу диалектизмов, поскольку и те и другие служат для наименования предметов, характерных для определенной группы людей или социального слоя. Также реалии могут относиться к элементам сниженного стиля, таким как просторечия и жаргонизмы. В других аспектах отхода от литературной речи

(таких, как детская речь, ломаная речь, дефекты речи и так далее) реалий крайне мало.

Реалия тесно связана с культурой определенной страны, народностью, социальной общиной. Также, реалия привязана ко времени. Поэтому не все слова, которые относились к этой группе в прошлом, относятся туда и сейчас. Это происходит благодаря тому, что с течением времени реалии могут переходить из одной категории в другую, выходить из повседневного употребления или приобретать окраску более сниженного стиля. Использование такой реалии в тексте будет расцениваться как отход от литературной нормы.

1.2.4 Реалия и иноязычное вкрапление

«Иноязычными вкраплениями» являются все слова и выражения, которые автор оригинала дает на неродном языке в их исконном написании или в транслитерации, без морфологических изменений. Следовательно, в состав подобных вкраплений могут попасть и чужие для языка автора реалии, которые переводчик переносит тоже в иноязычном написании или транслитерации [Влахов и Флорин, 1986: 81]. Но в отличие от реалии иноязычные вкрапления не всегда несут в себе национальную специфику другого языка. Чаще всего в эту группу входят интернациональные слова и выражения, понятные большинству носителей того или иного языка и, следовательно, не нуждающиеся в дополнительных пояснениях. К тому же иноязычные укрепления не являются характерной чертой художественного текста, а используются в первую очередь в публицистических и научных текстах. С другой стороны в состав иноязычного вкрапления может быть включена чужая для языка перевод реалия. В таком случае, при отсутствии устоявшегося эквивалента перевода, реалия должна сопровождаться необходимыми пояснениями. В противном случае у читателя может

возникнуть непонимание контекста, что в свою очередь скажется на восприятии текста в целом.

1.2.5 Реалия и внеязыковая действительность

Реалию можно соотнести и с таким понятием как «внеязыковая действительность». Поскольку реалия называет предметы, понятия, явления быта, культуры или истории одного народа или страны в целом, реалия не способна отразить данный отрезок действительности в целом. Отдельно взятая реалия не может в полной мере вместить в себя то, что нужно «читать между строк», или то, что так или иначе выражено с помощью языковых средств. Сюда входят иносказания, намеки, язык жестов, и весь внеязыковой фон, детали которого можно было бы назвать «ситуативными реалиями» и который должен непременно найти отражение в тексте перевода [Влахов и Флорин, 1986: 85].

Проблема соотнесения реалии и внеязыковой действительности — одна из самых сложных, но вместе с этим одна из самых важных в переводе художественной литературы. Здесь взаимодействует целый ряд разнообразных элементов, таких как переводческий аспект страноведения, культура переводчика, наличие фоновых знаний у будущих читателей.

1.2.6 Реалии в лингвистике

Реалии очень сложно отнести к какой-нибудь одной языковой категории. Они могут быть выражены словами и словосочетаниями, и даже целыми предложениями, которые по своей сути равны словам. Грамматическая отнесенность реалии зависит, прежде всего, от ее принадлежности к части речи. В большинстве своем реалии — существительные, так как они называют предметы и явления данной

культуры. Реалиями также можно считать и отыменные прилагательные, чье значение непосредственно связано со значением реалий.

Как языковые средства художественного изображения, реалии представляют собой языковые единицы, которыми в одинаковой степени пользуются как авторы оригинальных художественных произведений, так и переводчики [Влахов и Флорин, 1986: 89].

Существует разделение реалий на так называемые «свои» и «чужие». «Свои реалии» — это большей частью исконные или давно освоенные языком слова, не отличающиеся по форме от любых других. Они не нуждаются в особых объяснениях.

«Чужие реалии» могут представлять трудность для переводчика своей формой, лексическими, фонетическими и морфологическими особенностями, возможностями словообразования и сочетаемостью, а также механизмами заимствования и своим поведением в качестве заимствованных слов [Влахов и Флорин, 1986: 91].

Во фразеологических единицах также присутствует национальный и культурный колорит страны, поэтому их можно отнести к пласту реалий. Фразеологических единицы — это устойчивые выражения, значение которых нельзя вывести из отдельных значений составляющих фразеологизм слов. К фразеологическим единицам-реалиям можно отнести:

1. обычные устойчивые словосочетания всех типов, в том числе идиомы, пословицы и поговорки, многие из которых обладают характерной национальной или исторической окраской, и
2. фразеологические единицы, в конкретном составе которых имеются реалии [Влахов и Флорин, 1986: 98].

Аббревиатуры также можно отнести к реалиям, поскольку они могут содержать национально-специфичные слова, и сами могут быть отражением культуры страны.

Исследователь Томахин предлагает разделение реалий на денотативные и коннотативные. Денотативные реалии он определяет, как «факты языка,

которые обозначают предметы и явления, характерные для данной культуры, не имеющие соответствий в сопоставляемой культуре». Для носителя русского языка таковыми будут шведские "advent, mangelbon, Jultomte". Коннотативные реалии, в отличие от денотативных, обозначают «предметы, ничем не отличающиеся от аналогичных предметов сопоставляемых культур, но получившие в данной культуре и языке дополнительные значения, основанные на культурно-исторических ассоциациях, присущих только данной культуре». Примером таких реалий станут шведские "tvättstuga, köttbulle" [Томахин, 1988: 56].

1.3 Особенности употребления реалий

Исследователь Томахин выделяет следующие особенности употребления реалий:

1. Реалия свойственна лишь одному языковому коллективу, а в другом она отсутствует. В шведском языке таким примером может стать понятие advent — четыре недели до Рождества;

2. Реалия присутствует в обоих языковых коллективах, но в одном из них она имеет дополнительное значение;

3. В различных обществах сходные функции осуществляются разными реалиями;

4. В разных обществах сходные реалии различаются оттенками своего значения [Томахин, 1997: 14].

Автор может использовать реалии в тексте для различных целей. Например, чтобы указать на социальную принадлежность героя или на его происхождение. В этом случае используемые реалии будут иметь большое значение для понимания текста, поэтому они должны присутствовать в тексте перевода. То же можно отнести и к описаниям национальных праздников, обычаев и традиций. С другой стороны, автор может включать реалии в произведение, чтобы уменьшить объем повествования, заменяя одним словом

длинное объяснение. В этом случае, реалии не несут особой смысловой нагрузки, и могут опускаться в тексте перевода. Если реалия встречается в тексте оригинала всего один раз и не важна для дальнейшего понимания произведения, ее также можно опустить или заменить подходящим аналогом, лишенным национальной специфики. Однако если данный способ передачи реалий будет использоваться слишком часто, это может сказаться на тексте в целом, поскольку в таком случае он потеряет национальную и культурную отнесенность.

1.4 Классификация реалий

На сегодняшний день существует несколько классификаций реалий, предложенных разными исследователями. При составлении классификаций они обычно опираются на содержание реалии, ее фоновую информацию.

Предметная классификация реалий (по Влахову и Флорину):

1. Географические реалии

- а) объекты физической географии (skärgård);
- б) объекты, связанные с человеческой деятельностью;
- в) названия эндемиков (blåklocka);

2. Этнографические реалии

- а) реалии, описывающие быт и культуру народа (пища, напитки, одежда, жилье, мебель) (vedbod, snickarbon, pepperkaka, enbärdricka);
- б) реалии труда (люди труда, орудия труда, транспорт, организация труда) (telefonväxeln);
- в) наименования понятий искусства и культуры (музыка и танцы, музыкальные инструменты, фольклор, театр, исполнители, обычаи и ритуалы, праздники и игры, мифология, культы, служители и последователи) (nyckelharpa, advent, fästmanstång);
- г) этнические понятия (этнонимы, клички, названия лиц по месту жительства) (småläanning);

д) меры и деньги (единицы мер, денежные единицы) (krona);

3. Общественно-политические реалии

а) реалии, связанные с административно-территориальным делением страны (административно-территориальные единицы, населенные пункты) (landsting);

б) наименования носителей и органов власти (органы власти, носители власти) (riksdag);

в) реалии, служащие для наименования понятий общественно-политической жизни (политические организации и деятели, социальные явления и движения, звания и степени, учреждения, учебные заведения, сословия и касты, сословные знаки и символы);

г) военные реалии (подразделения, оружие, обмундирование, военнослужащие)

[Влахов и Флорин, 1986: 59-65].

Временное деление реалий

1. Современные реалии, которые употребляются некоторыми языковыми коллективами и обозначающие понятия, существующие в данное время;

2. Исторические реалии, обозначающие понятия, характерные для прошлого определенной социальной группы

а) знакомые

б) незнакомые

[Влахов и Флорин, 1986: 73].

Местное деление реалий

1. В плоскости одного языка

а) свои реалии - исконные слова данного языка (национальные, локальные, микролокальные)

б) чужие реалии - либо заимствования, либо транскрибированные реалии другого языка (интернациональные, региональные)

2. В плоскости пары языков (реалии рассматриваются с точки зрения перевода)

а) внешние реалии

б) внутренние реалии

Эпизодические реалии тесно связаны с историческими. Эпизодические реалии — это внесловарные реалии. Авторы и переводчики вводят их в зависимости от требований контекста однократно или несколько раз, но они не закрепляются в языке [Влахов и Флорин, 1986: 172].

Исследователь Виноградов предлагает похожую классификацию реалий, лишь немного изменив названия некоторых подгрупп.

1. Лексика, называющая бытовые реалии

а) Устройство дома

б) Одежда, головные уборы

в) Пища, напитки

г) Виды трудовой деятельности

д) Денежные знаки, единицы меры

е) Музыкальные инструменты, народные танцы и песни, исполнители

ж) Народные праздники, игры

з) Обращения

2. Лексика, называющая этнографические и мифологические реалии

а) Этнические и социальные общности и их представители

б) Божества, сказочные существа, легендарные места

3. Лексика, называющая реалии мира природы

а) Животные

б) Растения

в) Ландшафт, пейзаж

4. Лексика, называющая реалии государственно-административного устройства и общественной жизни страны (современные и исторические)

- а) Административное деление и государственные институты
- б) Общественные организации, партии, их участники
- в) Промышленные и аграрные предприятия, торговые заведения
- г) Основные воинские и полицейские подразделения и чины
- д) Гражданские должности и профессии, титулы и звания

5. Лексика, называющая ономастические реалии

- а) Антропонимы
- б) Топонимы
- в) Имена литературных героев
- г) Названия компаний, музеев, театров, ресторанов, магазинов, пляжей, аэропортов

6. Лексика, отражающая ассоциативные реалии

- а) Вегетативные символы
- б) Анималистические символы
- в) Цветовая символика
- г) Фольклорные, исторические и литературно-книжные аллюзии
- д) Языковые аллюзии

[Виноградов, 1978: 145-167].

Исследователь В.Н. Крупнов создает свою классификацию на основе уже имеющихся. Она практически совпадает с ними и дополнена лишь одной группой – группой рекламных реалий [Крупнов, 1976: 78].

В еще одной классификации, предложенной исследователем Г.Д. Томахиным, выделены следующие пункты:

1. Этнографические реалии. Реалии быта. Речевой этикет и нормы поведения.

- а) Реалии быта. Устройство дома
- б) Одежда

- в) Пища, напитки
- г) Бытовые заведения
- д) Названия транспорта
- е) Названия способов связи: почта, телеграф, телефон
- ж) Отдых, времяпрепровождение
- з) Обычаи, традиции, праздники
- и) Меры, деньги
- к) Рутинное поведение
- л) Речевой этикет

2. Географические реалии

- а) Классификация географических реалий (названия особенностей береговой линии, название особенностей рельефа, гидрографические названия)
- б) Флора
- в) Фауна
- г) Культурные растения
- д) Природные ресурсы и особенности их освоения

3. Реалии системы образования, религии и культуры

- а) Система образования
- б) Религия
- в) Литература
- г) Театр и кино
- д) СМИ
- е) Изобразительное искусство
- ж) музыкальная культура

4. Ономастические реалии

[Томахин, 1988: 113, 132, 145].

Иностранные исследователи также предлагают свои классификации реалий. Например, британский исследователь Newmark выделяет пять групп реалий:

1. Ecology (flora, fauna, winds, plains, hills)

Сюда относятся реалии, связанные с физической географией.

2. Material culture (artefacts)

(a) Food

(b) Clothes

(c) Houses and towns:

(d) Transport

В эту группу входят названия еды, одежды, транспортных средств, устройство дома.

3. Social culture, work and leisure

Реалии, относящиеся к социальной культуре, работе и отдыху.

4. Organizations, customs, activities, procedures, concepts

(a) Political and administrative

(b) Religious

(c) Artistic

Здесь представлены реалии, описывающие административное деление страны, религиозные реалии.

5. Gestures and habits

Сюда входят названия жестов, а также обычаи и традиции [Newmark, 1988: 95].

Таким образом, можно сделать вывод, что реалии группируются по тематическому принципу. Чтобы более правильно систематизировать реалии, стоит основываться на тематических ассоциациях.

1.5 Способы перевода и передачи реалий в художественном тексте

Некоторые исследователи относят реалии к понятиям безэквивалентной лексики, что означает, что реалии не подлежат переводу. Но так как реалии часто играют важную роль в исходном тексте, то их перевод является одним из условий адекватности перевода.

Существуют две основные трудности при переводе реалий: отсутствие в языке перевода эквивалента из-за отсутствия в культуре носителей данного

языка предмета, обозначаемого данной реалией, и необходимость, наряду с предметным значением реалии, передавать ее национальную и историческую окраску [Влахов и Флорин, 1986: 89]. Однако некоторые реалии имеют в языке перевода единичные соответствия, ставшие нормой. Это значит, что в большинстве случаев данная единица исходного языка переводится одной и той же единицей перевода, закрепленной в словаре. Обычно это относится к названиям географических объектов, территориальному и социальному делению, сфере политики [Комиссаров, 1999: 175].

Приемы перевода реалий сводятся к четырем основным случаям:

1. использование переводческой транслитерации и транскрипции;
2. создание нового или сложного слова на основе уже существующих в языке элементов;
3. уподобление, которое уточняется с помощью контекста;
4. гипонимический перевод (родо-видовая замена понятий).

Каждый раз, сталкиваясь с иноязычной реалией в тексте, переводчик должен придерживаться следующей стратегии. Вначале, следует выяснить, какое место занимает реалия в контексте оригинала, насколько она важна для понимания всего текста в целом, какие средства использует автор, чтобы читатель смог понять ее коннотативное и семантическое содержание. И только после этого, переводчик выбирает способ перевода реалии. Незнакомая (или чужая) реалия — это обычно понятие, описываемое в тексте, неизвестное для носителя данного языка, понятие, которое описывает чужую культуру, действительность. Знакомые реалии, напротив, не нуждаются в каких-либо пояснениях, поскольку они не вызывают трудностей в понимании у носителя данной культуры. То же относится и к интернациональным реалиям, поскольку они довольно распространены, и у носителей разных языков уже сложилась определенные представления культурная отнесенность таких реалий.

Наиболее распространенными в переводе средствами осмысления реалии являются следующие:

1. графическое выделение реалии на фоне всего текста (кавычки, курсив, жирный шрифт), но этот способ позволяет только привлечь к ней внимание, но не донести ее содержание до сознания читателя;
2. развитие содержания реалии (то есть добавление уточняющих слов, которые будут показывать предметную отнесенность реалии к той или иной группе);
3. употребление наряду с реалией ее нейтрального синонима или родового понятия в качестве приложения;
4. объяснение в самом тексте, взятое в скобки, выделенное запятыми или тире;
5. пояснение в сноске внизу страницы;
6. толкование реалии в комментариях или списках в конце книги [Влахов и Флорин, 1986: 69-86].

Однако большинство из приведенных способов объяснения реалии характерны не для художественного произведения, а для публицистического, поскольку при переводе художественного текста (особенно, рассчитанного на детскую аудиторию) переводчики стараются не перегружать текст дополнительными пояснениями и сносками. Особенно, если реалия встречается один раз и особо не влияет на общее понимание произведения.

Главной трудностью при переводе реалий является отсутствие предметов и понятий, обозначаемых данными реалиями, в культуре языка перевода. В результате переводчик должен использовать необходимые переводческие трансформации при передаче чужих реалий в тексте на родном языке. Такие трансформации можно определить, как «разнообразные межъязыковые преобразования, которые осуществляются для достижения переводческой эквивалентности («адекватности перевода») вопреки расхождениям в формальных и семантических системах двух языков» [Бархударов, 1975: 190]. С точки зрения В.Н. Комиссарова, основными способами передачи реалий с одного языка на другой являются следующие пять способов:

1. Соответствия-заимствования, которые были получены при использовании транскрипции или транслитерации. Такие реалии сохраняют оригинальную форму или произношение;

2. Соответствия-кальки, когда морфемы слова или части словосочетания были переведены дословно;

3. Соответствия-аналоги, слова которые наиболее близко передают значение исходной реалии, при этом обычно лишены национальной окрашенности. Обычно могут использоваться только в данном контексте;

4. Соответствия-лексические замены, которые образуются в процессе переводческих трансформаций;

5. Описание, наиболее подробно раскрывает смысл реалии. Используется, когда нет возможности использовать остальные способы [Комиссаров, 1990: 148—150].

Следует отметить, что аналоги реалий, употребленные несколько раз, довольно часто становятся обычными и часто употребляемыми в языке перевода. В случае реалий-словосочетаний можно говорить о создании новых фразеологических оборотов. Если рассматривать безэквивалентные единицы как грамматические структуры, в этом случае можно выделить следующие три способа перевода реалий на русский язык:

1. Нулевой перевод, когда грамматическая единица опускается в тексте перевода или заменяется лексической;

2. Приближенный перевод, когда грамматическая единица имеет лишь частичный аналог в тексте перевода;

3. Трансформационный перевод, когда грамматическая единица подвергается различным трансформациям. Применение трансформационной теории в области передачи реалий возможно и в условиях передачи лексической формы реалии.

Среди переводческих трансформаций, чаще используются следующие:

1. конверсия — способ перевода, при котором грамматическая единица в оригинале преобразуется в единицу переводящего языка с иным

грамматическим значением. При конверсии любая грамматическая единица исходного языка может заменяться грамматической единицей языка перевода: это может быть и морфема, и часть речи, и член предложения, и целое предложение.

2. уподобление — придание общих грамматических свойств разным грамматическим формам в исходном и переводящем языках. Данный способ перевода используется в случае отсутствия грамматической формы, употребленной в исходном тексте, в языке перевода.

3. антонимический перевод — замена отрицательной структуры исходного текста утвердительной структурой переводящего языка, или наоборот. Также замена единицы исходного языка может быть основана не только на ее структуре, но и на семантике.

4. развертывание, когда синтетическая форма переходит в аналитическую. То есть, при передаче нескольких грамматических значений используются несколько отдельных грамматических элементов.

5. стяжение, заключающееся в компрессии грамматической формы при переводе. Стяжению подвергаются чаще всего видовременные формы глагола, фразовые глаголы и так далее [Казакова, 2001: 178].

А.Д. Швейцер добавляет такой способ передачи реалии, как гиперонимическая трансформация, которая представляет собой прием перевода, при котором на первом месте стоит не сама реалия, а ее функциональная роль в тексте, например, отражение экспрессии контекста [Швейцер, 1988: 180].

Наиболее распространенными приемами перевода реалий являются:

1. Транскрипция и транслитерация. При транскрипции посредством языка перевода передается звуковая форма реалии, а при транслитерации — графическая. Чаще всего эти способы применяются при передаче имен собственных, географических названий. Данный способ передачи реалий является самым экономичным и максимально кратким, позволяет максимально точно передать национальный колорит реалии. Но в то же время

смысловое содержание отходит на второй план. А если транскрипция и транслитерация являются преобладающими способами перевода, то это может привести к перегрузке текста реалиями, что затруднит его понимание читателем. В художественном тексте данный вид перевода чаще всего используется вместе с пояснением в самом тексте или в сноске.

2. Калькирование. Этот способ подразумевает под собой прямой перевод слова (или составляющих сложного слова) в соответствии с устоявшимися нормами. При данном способе перевода сохраняется семантика исходного слова, но теряется национальный колорит, так как слова передаются средствами языка перевода. Данный способ перевода используется в том случае, если реалия не играет ключевой роли в понимании текста.

3. Перевод с использованием функционального аналога. Переводчик подбирает подходящее по смыслу слово (словосочетание), если у единицы исходного языка нет точного аналога в языке перевода. При этом аналог языка перевода должен вызывать у носителя те же ассоциации, что и у носителя исходного языка. Однако при данном способе перевода, как и при предыдущем, теряется национальный колорит реалии.

4. Описательный перевод. Суть этого способа состоит в раскрытии значения лексической единицы иностранного языка при помощи развернутых словосочетаний. Этот способ является весьма громоздким и неэкономным. Однако при помощи данного способа можно подробно описать суть реалии.

5. Трансформационный перевод. Переводчик перестраивает синтаксическую структуру предложения, прибегая к лексическим заменам, меняя часть речи исходного слова.

6. Опущение реалии в переводе. Этот способ используется, если у реалии отсутствует достаточно близкий по значению эквивалент в языке перевода, и сама реалия не играет важной роли в тексте.

Выбор того или иного способа перевода реалии зависит от:

1. стиля текста;
2. от места реалии в контексте произведения;
3. от места реалии в лексических системах исходного языка и языка перевода;
4. от словообразовательных возможностей и языковой традиции обоих языков;
5. от адресатов текста.

Реалия может войти в язык перевода, стать частью его лексического состава. В данном случае есть два варианта дальнейшего развития: одни реалии начинают подчиняться грамматическим правилам этого языка, то есть получают род и способность изменяться по падежам и числам. Другие, благодаря своей форме, отличающейся от формы, присущей словам языка перевода, приживаются труднее и остаются в категории несклоняемых. Тот или иной способ вхождения реалии в язык зависит, прежде всего, от ее употребляемости и от того, какое понятие она обозначает. Если реалия была введена для наименования совершенно нового, отсутствующего в данной языковой системе понятия, то она быстрее войдет в лексический состав языка. Но реалия может входить в язык и как дополнительное наименование уже имеющейся реалии [Влахов и Флорин, 1986: 118].

В плане содержания отличительной по сравнению с другими словами чертой реалии является характер ее предметного содержания — связь референта (обозначаемого реалией предмета), понятия — с народом или с другой социальной группой с одной стороны и историческим временным отрезком с другой. Отсюда соответствующий национальный и временной колорит [Влахов и Флорин, 1986: 150].

В плане выражения вопрос о различиях между реалиями и нереалиями заключается в следующем. Во-первых, далеко не все понятия, явления, отношения, связанные с данной эпохой или с данным народом, можно

выразить при помощи одних реалий. Во-вторых, реалиями могут быть не только слова, но и фразеологические единицы [Влахов и Флорин, 1986: 163].

Фразеологические единицы также можно отнести к реалиям. «В некоторых случаях употребление фразеологизма в исходном тексте строится на использовании возможностей национально-культурного колорита, например, для построения художественного или публицистического образа» [Казакова, 2002: 133]. Следовательно, появляется проблема адекватного перевода фразеологизмов. Как и при переводе реалий-слов, существует несколько способов перевода фразеологических единиц.

1. При переводе фразеологических единиц-реалий может быть подобран абсолютный эквивалент. Но это довольно редкий случай, возможный лишь тогда, когда фразеологизмы и в языке оригинала и в языке перевода содержат интернациональную реалию. Либо данный фразеологизм присутствует в нескольких языках, поскольку является переводом фразы с мертвого языка. В этом случае могут присутствовать некоторые небольшие различия во фразеологизмах в плане выражения.

2. Использование эквивалента с максимально близким планом содержания. В случае, когда наличие национального или временного колорита не имеет большого значения в тексте перевода, реалия языка оригинала может заменяться реалией языка перевода. Этот способ используется, когда важен план содержания.

3. Использование нейтрального по колориту слова или словосочетания, если в языке перевода отсутствует эквивалент. Но при использовании данного способа перевода потеряется коннотативное значение фразеологизма, которое присутствовало в тексте оригинала.

4. Пословный перевод с пояснением в сноске. Данный способ позволяет сохранить национальный колорит фразеологизма. Но в данном случае план содержания будет передан не полностью.

5. Приведение фразеологизма на языке оригинала с переводом и пояснением в сноске. Такой прием перевода используется в основном в

публицистической литературе. В художественном тексте он может быть применен, чтобы указать на иностранное происхождение героя.

6. Использование полукальки с заменой национально-специфического компонента. В этом случае создается новая для языка перевода фразеологическая единица. При этом используется материал языка оригинала.

При переводе чужой реалии важно сохранять ее национальный колорит, который показывает культурную отнесенность реалии к той или иной стране. «Колорит — это та окрашенность слова, которую оно приобретает благодаря принадлежности его референта — обозначаемого им объекта — к данному народу, определенной стране или местности, конкретной исторической эпохе, благодаря тому, что он, этот референт, характерен для культуры, быта, традиции, — одним словом, особенностей действительности в данной стране или данном регионе, в данную историческую эпоху, в отличие от других стран, народов, эпох» [Влахов и Флорин, 1986: 114]. Большая часть реалий обладает национальным или временным колоритом, что показывает их уникальность на фоне остальных лексических единиц.

Из этого можно сделать вывод, что выбор переводчиком того или иного способа перевода реалии зависит от поставленной перед ним задачи: сохранение национального колорита языковой единицы с возможными неточностями в плане содержания или передача значения реалии при потере колорита. Следовательно, встречая реалию в исходном тексте, переводчик встает перед выбором: что важнее в данном случае — план содержания или план выражения.

1.6 Особенности детской литературы

Детскую литературу (или литературу для детей) по праву можно выделить в отдельную область художественной литературы, так как она обладает характерными особенностями, которые должны учитываться

переводчиком при работе с произведениями, предназначенными для детской аудитории. Сравнительно недавно детская литература еще не выделялась в отдельную отрасль литературы, поэтому все особенности ее перевода не были детально изучены. Существовала тенденция подвергать произведения для детей культурной адаптации. Сейчас сфера перевода детской литературы рассматривается не только как составляющая перевода литературы в целом, но также как отдельная сфера, которая в течение долгого времени не пользовалась вниманием переводчиков в достаточной мере. В последнее десятилетие на ней сфокусировано особенное внимание.

Если говорить о предмете детской литературы, то им можно считать знания и представления о действительности, которые описываются в форме, доступной восприятию ребенка. Однако данные знания должны иметь особый характер и быть доступными для понимания читателя. В детстве у человека формируется его личность, характер, создается система духовных ценностей. Одновременно с этим — это закономерная и чрезвычайно важная часть жизни, поскольку уже с самых ранних лет идет подготовка ребенка к взрослой жизни.

Восприятие действительности ребенком существенно отличается от восприятия взрослого человека.

Детское восприятие действительности зависит, прежде всего, от психофизических факторов и социальных особенностей детства. Детское сознание существенно отличается от сознания взрослого, поскольку взрослые — полноправные члены социальной среды, а ребенку нужен взрослый посредник для контакта с социальной средой. В своей статье «О специфике художественной литературы для подрастающего поколения» А.Т. Парфенов объясняет данное явление следующим образом: «Значительное количество жизненных функций подрастающего поколения удовлетворяется, формируется и стимулируется взрослыми, а это накладывает специфическую печать и на косвенный и на непосредственный опыт подрастающего поколения [Парфенов, 1964: 64]. Чем взрослее становится ребенок, тем

меньше становится участие взрослого посредника, тем самостоятельней ребенок в общественных отношениях.

Периоды становления личности ребенка можно разделить на следующие этапы: детство, отрочество, юность. Каждому из этих этапов характерен свой тип сознания, между которыми существуют переходные формы, в которых сочетаются два типа сознания — на грани детства и отрочества, и между отрочеством и юностью.

При сравнении сознания ребенка и взрослого, возникают различия не только в социальных основах, но и в эстетическом отношении к действительности, поскольку такое отношение можно считать видом общественного сознания.

Возраст читателя прямо пропорционален специфике произведения — чем меньше возраст, тем сильнее проявляется возрастная специфика, и наоборот. Детство зависит от изменений в действительности и социальной среде. Поэтому сдвигаются границы этапов взросления, из чего следует, что возрастная специфика художественных произведений для детей также меняется. Поскольку меняются возрастные границы, детская литература «взрослеет», в ней появляются черты, характерные для текстов, рассчитанных на более старших читателей.

В основе содержания детской литературы может лежать любое явление, любой объект действительности. Однако, в отличие от взрослой литературы, в детской должна присутствовать особая интерпретация событий, поступков героев, которая определяется предметной областью детской литературы. Но не только тематика и отбор материала произведений являются одним из ключевых пунктов особенностей детской литературы. Одним из важных компонентов является проблематика произведения, которая должна быть раскрыта в доступной для понимания форме.

Существует деление детской литературы на:

— произведения, написанные для детей;

— произведения, адресованные взрослым, но нашедшие отклик у детей;

— произведения, написанные детьми.

В детской литературе можно проследить двойное обращение, повествование направлено в первую очередь к детям, и только потом к взрослым. Детскую литературу и ее функции можно разделить на две категории: дидактическую и творческую [Oittinen, 1993: 41]. Повествование в детской литературе построено на структуре сказки, что включает в себя простые предложения, эпизодическое построение и частые повторения.

У детской литературы есть своя специфика. И, прежде всего, она отражается в своеобразии детского мировосприятия. Ребенок воспринимает действительность под особым углом, избирательно. Если некоторое явление близко внутреннему миру ребенка – такое явление будет видеться ему крупным планом и наоборот.

Художественная литература для детей имеет не только развлекательную функцию. Прежде всего, она помогает в воспитании и социализации ребенка, поэтому при создании детского произведения должны соблюдаться некоторые нормы:

1. в детском произведении должна присутствовать мораль, которая будет способствовать их адекватном мировосприятию;

2. сюжет и герои произведения, а в особенности язык, который используется для их описания, должны соответствовать возрастной категории ребенка, его навыкам в чтении и мышлении.

Поскольку в разных культурах данные требования различаются, в задачу переводчика входит также изменение текста оригинала таким образом, чтобы он соответствовал устоявшимся нормам детской литературы принимающей страны.

Детская литература имеет несколько функций, и, прежде всего, развлекательную. Данная функция — самая важная, поскольку, не

заинтересовав ребенка, невозможно осуществлять его воспитание или развитие. Поэтому книга в первую очередь должна быть интересной.

Другая важная функция детской литературы — познавательная. Человек получает большую часть информации в период до семи лет, а за всю последующую жизнь — лишь 30%. В познавательной функции детской литературы можно выделить два аспекта:

1. при помощи научно-художественной прозы детям даются те или иные знания;
2. при отсутствии определенной познавательной направленности, произведения способствуют расширению круга познаний ребенка о мире, природе, человеке.

Детская литература имеет ряд психологических особенностей:

1. идентификация — отождествление себя с персонажем книги;
2. эскапизм — уход в воображаемый мир книги. Ребенок добавляет в свой реальный мир — мир, прочитанных книг, и тем самым обогащает свой духовный опыт.

1.7 Идиостиль

Идиостиль (или индивидуальный стиль) - это система содержательных и формальных лингвистических характеристик, которые присущи произведениям определенного автора. Эта система делает уникальным воплощенный в этих произведениях способ языкового выражения [Виноградов, 1978: 68].

Проблема индивидуального стиля речи носит интердисциплинарный характер, поэтому она зафиксирована в различных аспектах литературы: историко-научном, науковедческом, психологическом, функционально-стилистическом. Различие в подходах обусловлено тем, какие свойства текста рассматриваются в качестве доминирующих.

Идиостиль выдвигает на первый план интеллект писателя. Но интеллектуальные свойства проявляются в большей степени на лингвокогнитивном и мотивационном уровнях личности. В меньшей степени идиостиль зависит от уровня владения писателем родным языком [Караулов, 1987: 103].

Понятие «идиостиль» можно соотнести с понятием «идиолект». Под идиолектом писателя понимается совокупность текстов, которые были созданы данным автором в хронологической последовательности (если не была установлена иная последовательность, выбранная самим писателем).

Под идиостилем следует понимать совокупность глубинных текстопорождающих констант и доминант данного автора. Они определяют заданную автором последовательность текстов.

По мнению исследователя В. П. Григорьева, «описание идиостиля должно быть устремлено к выявлению глубинной семантической и категориальной связности его элементов, воплощающих в языке творческий путь автора, к сущности явной и неявной рефлексии над языком» [Григорьев, 1983: 34].

Сегодня существует несколько взглядов на идиостиль. Например, исследователь В. В. Иванов писал, что «развитие «семиотических игр», ведет в результате к появлению у одной творческой личности нескольких языков» [Иванов, 1988: 102]. Григорьев утверждал, что «за широким «диапазоном речевых перевоплощений» творческой индивидуальности всегда можно увидеть «структурообразующий стержень творчества» [Григорьев, 1983: 97].

В понятии «идиостиль» можно выделить две составляющие — внутреннюю и внешнюю. Так, Ю.Н. Караулов пишет: «интралингвистическая составляющая идиостиля представлена его вербально-семантическим уровнем, а когнитивный и прагматический уровни образуют его экстралингвистическую составляющую» [Караулов, 1987: 89].

При соотнесении таких понятий как язык, текст, идиостиль и идиолект можно выделить два подхода.

1. Идиостиль и идиолект соотносятся друг с другом как две структуры — глубинная и поверхностная. В результате появляются описания типа «смысл — текст» или «тема — приемы выразительности — текст» [Жолковский, Щеглов, 1996: 81]. Следовательно, идиолект, состоящий из множества связанных между собой языковых факторов, представляет собой иерархическую систему инвариантов, образующих идиостиль.

2. Функционально-доминантный подход к описанию идиостиля. В своей работе исследователь Золян понимает доминанту как «фактор текста и характеристика стиля, изменяющая обычные функциональные отношения между элементами и единицами текста. Идиолект может быть описан как система связанных между собой доминант и их функциональных областей» [Золян, 1986: 63].

Поскольку существует несколько различных подходов к изучению понятия «идиостиль», можно говорить об индивидуальном почтании экстра- и внутрилингвистических параметров одного автора, которые основываются на экстра- и внутритекстовых референтных отношениях.

Описание идиостиля конкретного автора невозможно без некоторых важных факторов:

1. Время создания текста и литературные нормы того времени. Без этого невозможно проследить отклонение от литературной нормы, вызванное теми или иными задачами.

2. Идиостили других писателей-современников и предшественников, поскольку в работе конкретного автора можно проследить влияние других писателей.

3. Исследование текстов одного и того же автора на разных языках. Это поможет выявить национальную специфику произведения.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что индивидуальный стиль — это сложная система содержательных и формальных лингвистических характеристик. Они определяют стиль повествования одного автора и прослеживаются в большинстве его произведений, делая их

язык уникальным и неповторимым. Понятие «идиостиль» относится преимущественно к художественным (как прозаическим, так и поэтическим) произведениям. Применительно к текстам других жанров все чаще используется термин «дискурс» в одном из своих значений. Индивидуальный стиль обуславливается следующими факторами:

1. доминирующие свойства познавательного стиля;
2. свойства стиля мышления автора;
3. объективность или субъективность изложения, вследствие чего автором используются те или иные речевые жанры;
4. языковая компетенция автора, которая подразумевает под собой владение автором синонимическим полем языка, способность более точно и кратко передавать ключевые смыслы.

1.8 Астрид Линдгрен

Поскольку данная работа посвящена анализу произведений Астрид Линдгрен, то стоит немного написать об этом авторе.

Астрид Анна Эмилия Линдгрен родилась 14 ноября 1907 года в Виммербю и умерла 28 января 2002 года в Стокгольме. Она была и остается самой известной шведской детской писательницей, чьи книги переведены более, чем на 50 языков.

Свое детство писательница называла счастливым, сказки и истории, которые она слышала от отца и друзей, легли в основу ее собственных произведений. Из-под пера Астрид Линдгрен вышло в общей сложности около восьмидесяти произведений.

Астрид Линдгрен стала лауреатом различных наград и премий. В 1958 году ее наградили медалью Ханса Кристиана Андерсена, которую называют Нобелевской премией в детской литературе. Также она получила медаль Карен Бликсен, учрежденную Датской академией, российскую медаль имени Льва Толстого, чилийскую премию Габриэлы Мистраль и шведскую премию

Сельмы Лагерлеф. В 1969 году писательница получила шведскую государственную премию по литературе. Ее достижения в области благотворительности были отмечены Премией мира немецкой книготорговли за 1978 год и медалью Альберта Швейцера за 1989 год (присуждается американской организацией Animal Welfare Institute).

Свои книги Астрид Линдгрен посвящала детям. Единственной книгой, обращенной к взрослым, стала «Самуэль Август из Севедсторпа и Ханна из Хюльта». Следовательно, данный жанр диктовал выбор слов и выражений, которые будут понятны детям. Реалии шведского языка и шведской культуры также присутствуют в произведениях писательницы. Но из-за специфики детской литературы и особенностей детского восприятия действительности – это известные каждому шведу реалии. Для ребенка, носителя русского языка, некоторые из них могут представлять определенные трудности для понимания, поэтому от выбранной переводчиком стратегии в большой степени зависит легкость восприятия текста детьми.

Выводы к Первой главе

На основе проведённого исследования можно сделать следующие выводы:

- так как реалии относятся к пласту безэквивалентной лексики языка, они могут быть как одним словом, так и сочетанием слов или предложением. При переводе реалий используются определенные приемы и способы перевода. Для чего, прежде всего, было выяснено, какое место та или иная реалия занимает в тексте оригинала, от этого зависел выбор того или иного способа перевода. Также мы отметили, включение реалий в текст перевода зависит от жанра произведения, поскольку чрезмерное обилие чужих реалий может привести к непониманию всего текста.

- самым простым способом передачи реалий является переводческая транскрипция и транслитерация. При транскрипции передаётся графическая форма слова, а при транслитерации - звуковая. Однако такой способ передачи иноязычной единицы требует наличия фоновых знаний у читателя, так как не раскрывает значения единицы.

- другой прием перевода, калькирование, заключается в замене составных частей лексической единицы прямыми соответствиями в языке перевода. Но, как и предыдущий способ перевода, калькирование не всегда полностью раскрывает значение переводимой лексической единицы, поэтому следует избегать чрезмерного калькирования в художественной литературе.

- описательный способ перевода безэквивалентной лексики состоит в раскрытии значения лексической единицы посредством словосочетаний, которые описывают признаки обозначаемого данной единицей явления. Хотя описательный перевод раскрывает значение безэквивалентной единицы иностранного языка, он имеет существенный недостаток — занимает

довольно много места, что особо нежелательно при переводе художественного текста.

- при приближенном переводе переводчик подбирает ближайшее по значению соответствие для лексической единицы иностранного языка не имеющей полного аналога в языке перевода. Так как приближенный перевод позволяет лишь частично передать значение исходной лексической единицы, в некоторых случаях в результате может возникнуть неправильное представление о значении предмета или явления.

- при гипонимическом переводе устанавливаются родовидовые отношения между реалией иностранного языка и её эквивалентом языка перевода.

- иноязычная реалия может стать частью языка перевода. В этом случае она включается в словарный состав языка и не имеет постоянного аналога перевода. Однако вхождение чужой реалии в язык — долгий процесс, поэтому большая часть реалий на сегодняшний день относится к безэквивалентной лексике.

На сегодняшний день существует несколько классификаций реалий, предложенных разными исследователями. Реалии могут классифицироваться по временному, семантическому, грамматическому, местному принципам.

Глава 2. Перевод шведских реалий на русский язык

Астрид Линдгрэн писала свои произведения с 1945 по 1980 годы. Ее книги переведены на многие языки мира. На русский язык произведения шведской писательницы начали переводиться в начале шестидесятых годов. Одним из первых переводчиков стала Л.Лунгина, которая перевела такие известные произведения, как «Пэппи Длинныйчулок» ("Pippi Långstrump"), «Малыш и Карлсон, который живёт на крыше» ("Lillebror och Karlsson på taket"), «Эмиль из Леннеберги» ("Emil i Lönneberga") и другие. Кроме Лунгиной Линдгрэн переводили Людмила Брауде, Ирина Токмакова, Н. Городинская-Валлениус.

Реалии для анализа брались из четырех произведений Астрид Линдгрэн: «Мадикен» — "Madicken", «Мы на острове Сальткрока» — "Vi på Saltkråkan", «Эмиль из Леннеберги» — "Emil i Lönneberga", «Дети с Горластой улицы» — "Barnen på Bråkmakargatan".

Повесть «Дети с Горластой улицы» была написана в 1956 году. Ее отличительной чертой от остальных анализируемых произведений является то, что повествование идет от первого лица. Главная героиня — девочка пяти лет, которую зовут Мия-Мария, рассказывает о своем старшем брате Юнасе и младшей сестре Лотте. Действие происходит в небольшом городке и за городом. Из праздников в повести описывается только Рождество.

Повесть «Мадикен» была написана в 1960 году. В произведении повествуется о девочке, по имени Мадикен, о ее повседневной жизни, шалостях и проказах. Другими действующими лицами в произведении являются: младшая сестра Мадикен — Лисабет, родители девочек, служанки Альва и Линус-Ида, соседский мальчик Аббе, его родители и другие второстепенные персонажи. Произведение имеет замкнутую композицию, в нем описывается один календарный год. Здесь встретились реалии,

относящиеся к самым различным группам, имеющим различные способы перевода.

Повесть «Эмиль из Леннеберги» была написана в 1963 году. Повествование идет о мальчишке, по имени Эмиль и его проделках. Другими действующими лицами стали его родители, младшая сестренка Ида, работники на хуторе Альфред и Лина. Реалии, встретившиеся в этом произведении, также относятся к различным группам.

Повесть «Мы на острове Сальткрока» была написана в 1964 году. Здесь рассказывается о городской семье, приехавшей на остров на летние каникулы. Семья состоит из пяти человек: отца Мелкера, дочери Малин и трех сыновей: Юхана, Никласа и Пелле. На острове они знакомятся с его обитателями: девочкой Червен, ее сестрами Тедди и Фредди, ее матерью Мэртой и другими. В этом произведении, как и в предыдущих, описываются шведские обычаи и традиции, упоминаются национальные праздники.

Особенностью произведений Астрид Линдгрэн является тот факт, что они написаны преимущественно для детской аудитории. Тексты изобилуют всевозможными реалиями, начиная от названий традиционных блюд и напитков шведской кухни и заканчивая пословицами и поговорками, берущими своё начало в глубинах истории шведского языка. Каждый раз, сталкиваясь с той или иной реалией, переводчик должен найти адекватный способ передачи реалии на русский язык. Иногда удаётся подобрать подходящий эквивалент, в других случаях приходится использовать кальку или вообще убирать иноязычную реалию из текста перевода.

При анализе произведений Астрид Линдгрэн ("Madicken", "Vi på Saltkråkan", "Emil i Lönneberga", "Barnen på Bråkmakargatan") и их переводов на русский язык было найдено двести единиц безэквивалентной лексики. Все слова и выражения были разделены на следующие группы:

- реалии, называющие еду и напитки;
- реалии, описывающие устройство дома и быт;

- реалии — песни и стихи;
- названия растений;
- реалии, относящиеся к обычаям и традициям;
- персонажи шведского фольклора;
- реалии-фразеологизмы;
- устаревшие реалии

Первые две группы — самые многочисленные по количеству входящих в них реалий. Если смотреть по процентному содержанию отдельных групп реалий в каждом из произведений, то в повести «Мадикен» наиболее широко представлены реалии первых двух групп (еда и напитки и устройство дома и быт). В книге «Мы на острове Сальткрока» самым многочисленным пластом оказались реалии — песни и стихи. В «Эмиле из Леннеберги» наибольшее количество реалий относятся к фразеологическим единицам. В повести «Дети с Горластой улицы» основную часть реалий составляют фразеологические единицы.

2.1 Названия еды и напитков

Названия различных блюд и напитков составляют неотъемлемую часть повествования в произведениях Астрид Линдгрен. В большинстве ее книг присутствует описание какого-либо национального шведского праздника. Чаще всего это — Рождество. И, следовательно, герои будут готовить, есть и пить традиционные для этого праздника блюда. Обычно, для переводчика не составляет труда передать реалии из этой группы на русский язык, так как существуют устоявшиеся эквиваленты перевода.

Но, несмотря на это, существуют и различные варианты перевода. Например, такое часто встречающееся в произведениях шведских писателей слово "köttbulle" не имеет постоянного эквивалента. Его можно перевести как «котлета», «тефтелька», «фрикаделька». Наиболее часто используемый вариант перевода — «котлета». Но даже один и тот же переводчик может

использовать разные эквиваленты. Например, в переводе «Мадикен» "köttbullar" вначале были названы «фрикадельками» [М-н: 46]¹, а немного позже — «котлетами» [М-н: 147]. В переводе «Эмиля» Л. Лунгиной встретился вариант «биточки» [Эм Л: 20], тогда как у Л. Брауде [Эм Б: 10] они снова стали котлетами.

Вариант перевода шведского "köttbulle" [ВВ: 31] как «тефтели» [ДГ: 23] мы встречаем в произведении «Дети с Горластой улицы». Хотя уже на следующей странице сложное слово "fiskbulle" [ВВ: 33] с одинаковым корнем "bulle" переводится как «рыбные фрикадельки» [ДГ: 24]. Различие данных блюд в контексте произведения состоит лишь в том, что в первом случае для приготовления используется мясо, а во втором — рыба. Русские понятия «тефтели» и «фрикадельки» различаются способом приготовления — тефтели тушатся, а фрикадельки варятся. По-русски тефтели, а не фрикадельки могут делаться как из мяса, так и из рыбы. Поэтому было бы логичнее перевести данные понятия с точностью до наоборот. Либо можно было бы не жалеть различие между тефтелями и фрикадельками, а назвать оба блюда одинаково, добавив в первом случае уточнение «мясные», а во втором — «рыбные». Но поскольку речь идет о детской литературе, а не о поваренной книге, вариант, предложенный переводчиком — адекватен.

Еще одним примером шведской реалии, относящейся к национальной кухне, является "repparkaka". Как и в предыдущем случае, у этой реалии существует несколько вариантов перевод на русский язык, например: имбирное печенье, шведское печенье, пряник. Данная реалия встретилась в повести «Мадикен» [Md: 126]. Переводчик выбрал последний вариант и

---

¹ Здесь и далее ссылки на источники примеров:

[М-н] – Линдгрэн А. Мадикен/ Пер. со шв. И.П. Стреблова. – М.: Детская литература, 1990. – 205 с.

[Md] - Lindgren, A. Madicken. Stockholm: Rabén & Sjögren, 1976. – 187 s.

[Эм Л] - Линдгрэн А. Приключения Эмиля из Леннеберги: Повесть-сказка/ Пер. со шв. Л. Лунгиной. – СПб.: Азбука-классика, 2003. – 240 с.

[Эм Б] - Линдгрэн А. Эмиль из Леннеберги/ Пер. Со шв. Л. Брауде и Е. Паклина. – СПб.: Азбука, 1997. – 102 с.

[Em] - Lindgren, A. Emil i Lönneberga. Stockholm: Rabén & Sjögren, 1963. – 125 s.

[OC] - Линдгрэн А. Мы на острове Сальткрока/ Пер. со шв. О. Мязтос. – М.: АСТ, 2009. – 352 с.

[VS] - Lindgren, A. Vi på Saltkrockan. Stockholm: Rabén & Sjögren, 1964. – 359 s.

[ДГ] - Линдгрэн А. Дети с Горластой улицы/ Пер. со шв. Л. Горлина. – М.: Махаон, 2013. – 96 с.

[ВВ] - Lindgren, A. Barnen på Bråkmakargatan. Stockholm: Rabén & Sjögren, 1960 – 81 s.

перевел реалию как «пряник» [М-н: 132]. Так как речь в тексте шла о Рождестве, то этот вариант — самый адекватный данному контексту, так как Рождество обычно ассоциируется с пряниками, а не с печеньем.

В произведении «Дети с Горластой улицы» встречаются следующие названия рождественской выпечки: "saffransbullar och pepparkakor och klenäter" [ВВ: 77]. В переводе получился вариант «булочки с шафраном, мятные пряники и пирожки из заварного теста» [ДГ: 56]. Перевод первой реалии из этого списка как «булочки с шафраном» — полностью адекватен оригиналу. Однако ко второму и третьему примерам стоило подобрать другие эквиваленты. В состав "pepparkakor" не входит мята, если, конечно, это не особый рецепт. Но тогда в тексте оригинала было бы использовано уточнение, например "mint". Поскольку никакое уточнение не использовалось, то данную реалию следовало переводить либо как «имбирные пряники», либо просто как «пряники». Третий пример реалии "klenäter" также встречался и в повести «Мадикен» [Мд: 148]. В переводе был предложен русский аналог «хворост» [М-н: 158]. Этот вариант более адекватен, если судить по картинкам. Русское слово «пирожки» подразумевает под собой наличие начинки, а шведское "klenäter" — это булочки, обсыпанные сахарной пудрой.

При переводе слова "skinka" используется аналог «окорок», иногда с добавлением уточнения "рождественский". Аналогично дело обстоит и с таким явлением шведской кухни, как "lutfisk". В переводах произведений, в которых оно встретилось (а именно в «Мадикен» [Мд: 161] и в «Мы на острове Сальткрока») был дан близкий эквивалент «вяленая треска» [М-н: 174]. Хотя и он не совсем точен, так как "lutfisk" — это размоченная в щелочи вяленая треска.

Еще одна реалия, относящаяся к данной группе, при переводе которой не было различия в подобранных эквивалентах стал "sillsalad" [Мд: 148], [Ем: 46]. Во всех переводах («Эмилия» Лунгиной и Брауде и «Мадикен») появился «селедочный салат» [М-н: 158], [Эм Л: 20], [Эм Б: 16]. Хотя носитель

русского языка может ошибочно принять данное блюдо за «селедку под шубой», ни один из переводчиков не дал никакого объяснения о различии этих блюд, которое заключается в том, что шведский "sillsalad" – это винегрет с селедкой. Это было сделано, чтобы не загромождать и без того длинные предложения с перечислением различных блюд и напитков.

В произведениях «Мадикен» и «Эмиль из Ленеберги» встречается такое название рождественского блюда как "revbensspjäll" [Md: 148], [Em: 45]. И здесь в переводах появляются три различных варианта. В переводе Лунгиной был использован близкий эквивалент «грудинка» [Эм Л: 20]. Брауде расширяет данную реалию, добавляя к слову «грудинка» прилагательное «копченая» [Эм Б: 16]. В переводе «Мадикен» это блюдо было названо «свинными отбивными» [М-н: 158]. На наш взгляд самым точным эквивалентом из трех предложенных является перевод Брауде. Однако и он не точный. Данную реалию можно было перевести как «копченые ребрышки», что было бы практически стопроцентным аналогом.

Еще одна реалия, встречающаяся в этих двух произведениях это — "ostkaka" [Md: 148], [Em: 46]. Она, как и предыдущая, имеет три варианта у разных переводчиков. И если первый компонент у всех одинаковый, «сыр», то второй — разный. В переводе Лунгиной был использован вариант «сырный пирог» [Эм Л: 20]. У Брауде — «сырные лепешки» [Эм Б: 16], а в третьем произведении — «сырная запеканка» [М-н: 158]. Если судить об этом блюде по картинкам, то самым точным вариантом перевода оказался третий.

Что касается способов перевода названий блюд и напитков, то в основном преобладают соответствующие шведскому варианту русские эквиваленты. Однако в одном случае встретился гипонимический перевод.

"(...) i taket hänger rader av bräckkorv och hackekorv (...)" [Md: 148]. В русской культурной традиции нет таких понятий, как "bräckkorv" и "hackekorv", поэтому переводчик использовал прием генерализации значения, и в результате получился следующий вариант: «с потолка свисают гирлянды разных сосисок и колбас» [М-н: 158]. Шведские реалии "bräckkorv och

hackekorv" были заменены общими словами «сосиски и колбасы». В контексте детской литературы это был вполне адекватный прием перевода, так как он более понятен детям и более легок для восприятия.

Еще одним приемом перевода реалии является её опущение в тексте перевода. "Limpor, vörtbröd och saffranskusar ligger travade i brödkistan (...)" [Md: 148]. «В хлебном ларе сложены горкой домашние караваи, солодовый хлеб (...)" [М-н: 159]. В русском варианте данного примера был опущен перевод слова "saffranskusar" — «шафрановые булочки». Они являются традиционной шведской рождественской выпечкой и без сомнения относятся к реалиям. Однако переводчик опускает их в русском тексте. С другой стороны, он добавляет русскую реалию «домашние караваи». Слово "limpor" можно перевести точным эквивалентом — «буханки хлеба».

Калькирование — также довольно распространенный вариант перевода реалий. Например, ещё одна шведская реалия "mandelmussla" был переведена как «миндальная ракушка». "Mandelmussla" — это небольшое пирожное из песочного теста с взбитыми сливками. Можно было бы подобрать достаточно близкий аналог, и назвать эту сладость «корзиночкой», но, поскольку данная реалия не встречается в дальнейшем, можно оставить вариант калькирования.

Другим примером калькирование является реалия "havrekex", переведенная как «овсяное печенье». И хотя в русской культуре тоже есть овсяное печенье, и оно отличается от шведского, в контексте данного произведения это не столь важно. Следовательно, данный вариант перевода — адекватный.

В некоторых местах в тексте перевода следовало дать пояснение реалии. Например, слово "pressyltan" [Md: 148] было переведено как «зельц» [М-н: 158]. Возможно, современному читателю, а особенно ребенку, это понятие будет незнакомо. В данном случае можно было бы воспользоваться относительно близким эквивалентом — «холодец» или дать пояснение или сноску: «вареное прессованное колбасное изделие в оболочке или банке.

Готовится из свиного мяса, шпига, а также языков, печени и других субпродуктов». Но, поскольку, детское произведение лучше по возможности не загромождать ненужными сносками, то данный вариант можно оставить как есть.

Из напитков в произведениях встретился только "enbärdricka" [Md: 126], которому в русском тексте соответствует «напиток из можжевельника» [М-н: 132]. Это традиционный рождественский напиток в Швеции. В данном случае используется описательный перевод. Можно было бы сделать кальку, и тогда получился бы «можжевельный напиток», но и предложенный переводчиком вариант адекватен.

2.2 Устройство дома и быт

Еще одной большой группой реалий являются реалии, относящиеся к описанию и наименованию устройства дома и быту. В своих произведениях Астрид Линдгрэн подробно описывает устройство шведского хутора, с наименованием всевозможных построек и их частей. Также присутствует и описание внутреннего устройства дома. Часть использованных реалий относительно устарела, так как относится ко времени Первой мировой войны. И, тем не менее, перевод таких реалий даётся без каких-либо дополнительных комментариев и сносок.

В «Мадикен» Астрид Линдгрэн при описании построек хутора дает два слова: "vedskubben" и "vedbod" [Md: 19]. На русский язык данные реалии можно провести одинаково: «дровяной сарай». Однако переводчик подбирает к первой реалии эквивалент «дровяной чулан» [М-н: 6]. Это было сделано, чтобы в русском варианте текста, как и в шведском, было различие между этими двумя понятиями. В повести «Эмиль из Леннеберги» также встречается понятие «vedbod».

"(...) och så låg där två andra hus alldeles intill varannan. I det ena hade de vedboden och snickarboden och i det andra mangelboden och matboden" [Em: 64].

Лунгина переводит данное предложение следующим образом: «И совсем рядом стояли два сарая: один — дровяной, где был заперт Эмиль, другой — кладовая для продуктов» [Эм Л: 26].

Перевод Брауде: «(...) и еще два сарая, стоявших рядом друг с другом. В одном держали дрова и разный столярный инструмент, а в другом — скалку для белья, валеков и разную вкусную снедь» [Эм Б: 20].

В переводе Лунгиной "vedbod" — «дровяной сарай». Брауде же воспользовалась описательным переводом: «сарай, в котором держали дрова». Оба варианта перевода – адекватны.

На каждом шведском хуторе должна была быть "tvättstuga". На русский язык переводится как «прачечная». Рядом с прачечной обычно была "mangelbon" [Md: 19], [Em: 64]. В переводе «Мадикен» данное помещение было переведено как «комната с катальным станком для белья» [М-н: 6]. В русском варианте «Эмиля» Лунгиной данная реалия отсутствует. Брауде предложила вариант «сарай, где держали скалку для белья, валеков» [Эм Б: 20], используя прием описательного перевода.

Еще одно помещение на хуторе "snickarbon" [Md: 19], [Em: 64]. В переводе «Мадикен» был дан вариант «столярная мастерская» [М-н: 6]. В переводе Лунгиной данная реалия снова отсутствует. Брауде и в этом случае использует описательный перевод: «в одном держали (...) разный столярный инструмент» [Эм Б: 20]. Так как данное помещение использовалось не только для хранения различных столярных принадлежностей, но и для работы с ними, то вариант, предложенный в «Мадикен», наиболее близок тексту оригинала.

В своем переводе «Эмиля» Брауде при описании шведского понятия "mangelbod" приводит такое слово как «валеков». Однако в тексте оригинала данное понятие отсутствует. Оно встречается в «Мадикен» – "klappträet" [Md: 19] и является устаревшим как для носителя русского языка, так и для носителя шведского. Возможно, в переводе «Эмиля» не стоило добавлять

реалию, так как это может привести к непониманию текста произведения ребенком.

С другим примером добавления реалии в тексте перевода мы сталкиваемся в «Мадикен». Шведскому оригиналу "under takbjälkarna" [Md: 115] соответствует русское «на чердаке под стрехой» [М-н: 118]. Однако, слово «стреха» — устаревшее. Данное словосочетание можно было перевести либо просто «на чердаке», либо добавив «на чердаке под потолком». Тогда русский вариант становится более понятным и простым для восприятия.

2.3 Имена собственные

Следующую группу реалий составляют немногочисленные имена собственные, которые встретились в анализируемых произведениях. В основном — это персонажи шведского фольклора и детских сказок.

Известно, что, будучи ребенком, Астрид Линдгрэн слышала множество сказок, многие из которых, так или иначе, упоминаются в её произведениях.

Например, в «Мадикен» встречается "Jon Blund" [Md: 54]. Переводчик дает транскрипцию данной реалии — «Йон Блунд» [М-н: 48] без каких-либо пояснений или сносок. Из контекста произведения можно узнать лишь то, что этот персонаж летает с помощью зонтика. Возможно, стоило дать короткую сноску, написав, что «в шведском фольклоре Йон Блунд — человек, навевающий детям сны». В русской фольклорной традиции нет аналога данному персонажу. В качестве примера можно было бы привести датского Оле Лукойе или немецкого песочного человечка, которые, наверняка более известны, чем шведский Йон Блунд.

Еще один фольклорный персонаж, часто встречающийся в произведениях Астрид Линдгрэн — это "jultomte" [Md: 127] или просто "tomte". В «Мадикен» переводчик воспользовался приемом транскрипции, получив «Юльтомте» [М-н: 132]. В качестве пояснения была дана сноска:

«Юльтомте — сказочный добрый рождественский гость вроде Деда Мороза или Санта-Клауса, который приносит всем подарки». Однако из данного объяснения может сложиться неправильное представление о персонаже. По всеобщим представлениям русский Дед Мороз и американский Санта-Клаус — это люди полноценного роста, тогда как "jultomte" — маленький человечек, гном. Гораздо более точный перевод был дан в произведении «Мы на острове Сальткрока». Здесь главный рождественский волшебник стал «рождественским гномом». Переводчик использовал кальку со шведского, и в результате этот вариант более близок оригиналу. Поэтому отпала необходимость в каких-либо пояснениях или сносках.

При переводе реалии "jultomte" [ВВ: 79] в повести «Дети с Горластой улицы» была использована полужалка с транскрипцией: «рождественский томте» [ДГ: 57] и дано пояснение в сноске: «томте — шведский Дед Мороз». Однако, как и вариант, предложенный в «Мадикен», этот перевод нельзя назвать полностью адекватным, поскольку в результате такого объяснения у ребенка сложится неправильное представление об особенностях данного персонажа. Переводчику стоило либо дать вариант «рождественский гном», либо указать на эту особенность в сноске.

В «Мадикен» встретилось название книги, которую читала мама девочкам. По-шведски "Prins Hatt under jorden" [Мд: 76]. При переводе на русский язык был использован прием расширения: «Приключения принца Хатта в подземном королевстве» [М-н: 73]. Как удалось выяснить, данное произведение является шведским переложением двух древнегреческих мифов: «Амур и Психея» и «Орфей и Эвридика». И хотя в переводе не дано никаких пояснений по поводу названия произведения, ребенок воспримет его просто как название какой-нибудь сказки.

Название другого произведения встретилось в повести «Дети с Горластой улицы». Маленькая девочка просит маму: "Berätta om Vockarna Bruse" [ВВ: 40]. В русском переводе это предложение звучит как: «Рассказывай мне все время о козлике Брюсе» [ДГ: 30]. Конечно, в контексте

детского произведения такой перевод можно считать адекватным. Ребенку будет понятно, что речь идет о какой-то сказке, и, поскольку, в дальнейшем больше нет никаких упоминаний о ней, у него вряд ли возникнет потребность в получении какого-либо объяснения. Однако в переводе присутствуют некоторые неточности. В оригинале слово "boskarna" дано во множественном числе. Но в переводе слово «козлик» употреблено в единственном. В шведской сказке речь идет о трех козликах, которые обманули тролля. В тексте перевода можно было бы сделать вариант «о трех козликах», опустив их фамилию.

2.4 Фразеологические единицы

Фразеологические единицы также можно отнести к языковым реалиям, поскольку они культурно-специфичны и переводятся соответствующими эквивалентами. Как и при переводе реалий-слов, при переводе фразеологизмов могут использоваться различные способы.

Некоторые фразеологизмы присутствуют во многих языках и являются интернациональными. Чаще всего они берут начало из латыни. В анализируемых текстах примером такой реалии может служить следующее предложение: "Så länge det finns liv, finns det hopp" [Md: 150]. На русский язык было переведено как: «Пока живешь — надейся» [М-н: 161]. Данный фразеологизм является переводом латинской фразы: "Dum spiro spero".

Фразе "Fattig man, ge mig lite i min hand!" [BB: 47] был подобран аналог «Подайте Христа ради на пропитание!» [ДГ: 35]. В русской культурной традиции существует похожий вариант этой фразы, который будет ближе по значению к шведскому: «Подайте, люди добрые!». В шведском фразеологизме нет упоминания о Христе, к тому же фраза была сказана ребенком во время игры, а значит, не было необходимости переводить ее таким аналогом. Но вариант, предложенный переводчиком, адекватен.

При переводе фразеологизмов можно найти подходящий эквивалент, который будет более точно передавать смысл фразы. При этом форма фразеологизма в тексте перевода может отличаться от оригинальной фразы. Например, при переводе фразы "vargvinter" [VS: 206] (дословно: «волчья зима») был использован русский эквивалент: «собачий холод» [ОС: 248]. В русском языке существует еще несколько подобных эквивалентов фразеологизма, в которых фигурирует собака. Носителю шведского языка вариант с волками будет ближе.

Аналогичный пример перевода фразеологизма можно найти в «Эмиле». В тексте оригинала есть следующая фраза: "Nu rök fyra kronor" [Em: 26]. Дословно — «Теперь дымятся четыре кроны». Однако, в русском языке есть эквивалент данному фразеологизму, который используют в своих переводах и Лунгина, и Брауде: «Плакали мои четыре кроны» [Эм Л: 15].

Иногда переводчик добавляет фразеологизм в текст перевода. Например, шведское предложение "Det blir dyrt det här" [Em: 45] (дословно: «Это будет слишком дорого») переведено как «Этот пир влетит нам в копеечку». Данное добавление было сделано для усиления речи персонажа, поэтому включение фразеологизма в русский текст – оправданно. К тому же такой вариант хорошо вписывается в канву повествования.

Другим примером добавления фразеологизма в переводе может стать следующее предложение: "Det tjänar ingenting till att bli arg, för man blir ju bara så tvärilsken då" [VS: 57]. В русском: «Чего попусту сердится, на сердитых воду возят» [ОС: 62]. Шведское прилагательное "tvärilsken" не является устойчивым словом, здесь "tvär" служит лишь для усиления. И шведский вариант имеет немного другое значение в целом, чем русский. Если переводить дословно вторую часть предложения, то получится: «... потому что ты станешь еще более злой». Но, несмотря на это небольшое расхождение в смысле фразы, вариант, предложенный переводчиком – адекватен.

Примером добавления фразеологизма в текст перевода может стать следующее предложение: "(...) och Tjorven åkande snålskjuts där bak" [VS: 191] и его перевод: «(...) а сзади на полозьях пристроилась зайцем Червен» [ОС: 230]. Сложное слово "snålskjuts" можно перевести, как «следовать по пятам» или «сесть на хвост». Переводчик предложил свой вариант, изменив русский фразеологизм «ехать зайцем».

Добавление фразеологизмов в текст произведения, помогает приукрасить повествование, сделать его более ярким и неординарным. Например, предложение "När han inte skrek" [Em: 5] она переводит как «особенно, когда спал» [Эм Л: 5], вставляя русское выражение с близким по смыслу значением. То же самое предложение у Брауде переведено с помощью калькирование: «И то, пока не начнет кричать» [Эм Б: 2]. Конечно, вариант, предложенный Лунгиной, не очень близок оригиналу, тем не менее, в тексте он выглядит лучше, и его легче воспринять, чем вариант Брауде.

Для усиления фразы в русском языке также используются фразеологизмы. Например, шведское предложение "Och där fick vi sitta alldeles, alldeles stilla" [ВВ: 44] дословно можно перевести на русский язык как «И там нам пришлось сидеть очень-очень тихо». Однако в текст перевод был добавлен фразеологизм: «И мы сидели там тихо-тихо, как мышки» [ДГ: 32]. Фразеологизм «тихо, как мышки» усиливает предложение, делая его более понятным до ребенка, поскольку каждый ребенок знает, что мышек никогда не слышно.

Шведское понятие "snorig" невозможно перевести на русский язык одним словом. Поэтому переводчику пришлось использовать фразеологизм в переводе предложения: "(...) så kom Lotta inkilande genom dörren alldeles snorig" [ВВ: 15]. «(...) в дверь магазина протиснулась Лотта. Из носа у нее текло, как из крана» [ДГ: 11]. Шведское прилагательное "snorig" было заменено описательной конструкцией, которая не только поясняет понятие, но и добавляет в предложение эмоциональную окраску.

Фразеологизмы в тексте перевода часто используются для усиления. Например, в шведском предложении "Det är ruskigt att hoppa mitt i en nässelhög" [Em: 63] наречие "ruskigt" имеет сильную негативную коннотацию, и может переводиться как «ужасно, мерзко». В своем переводе Лунгина воспользовалась фразеологизмом: «Прыгать прямо в крапиву ему совсем не улыбалось» [Эм Л: 26]. Выражение «совсем не улыбалось» придает красочность повествованию. Брауде использует похожий вариант, переводя предложение как «А прыгать прямо в крапиву — приятно мало» [Эм Б: 20]. И этот, и предыдущий варианты достаточно точно передают смысл оригинального предложения, поэтому являются адекватными.

В анализируемых текстах при переводе фразеологизмов чаще встречается прием калькирования. Чаще всего это происходит, когда в тексте оригинала присутствует сравнение. Например: "... som ärtrev" [VS: 70] — «они цепляются друг за друга, как усики гороховых стеблей» [ОС: 76-77]. Так как в русском языке нет эквивалента с таким же значением, переводчик создал кальку со шведского. Еще одним примером является предложение: "som en getting ur sitt bo" [Md: 89]. В этом случае переводчик также воспользовался калькированием: «точно оса из гнезда» [М-н: 88]. Следующий пример является спорным, так как переводчик снова сделал кальку, когда можно было использовать эквивалент с близким значением: "pärla i gull" [Md: 19] — «жемчужинка в золотой оправе» [М-н: 6]. Полноценным эквивалентом данному фразеологизму является русское выражение «как сыр в масле». Однако переводчик использовал прием калькирования. Так как речь идет о детской книге, то вариант, предложенный переводчиком, адекватен, так как он более понятен ребенку.

В русском языке, чтобы сказать, что человек — сильный, обычно используется сравнение со львом. В «Эмиле» Астрид Линдгрэн также употребляет сравнение: "stark som en liten oxe" [Em: 5]. У Лунгиной данное сравнение переведено с помощью калькирования: «крепкий, как молодой бычок» [Эм Л: 5]. Брауде немного меняет структуру фразеологизма,

предлагая вариант «силой не уступал молодому бычку» [Эм Б: 1]. Первый вариант более компактный и лучше вписывается в русский текст.

Но не всегда сравнения переводятся дословно. Например, предложению "Hon är envig som synd" [Md: 177] был подобран эквивалент «Она упряма, как осел» [М-н: 194]. Дословно это предложение переводится как «Она упряма, как грех». Но так как в русском языке уже существует устоявшееся выражение, то переводчик, по-видимому, не стал делать кальку, а подобрал более привычный для носителя русского языка эквивалент.

В произведении «Дети с Горластой улицы» Астрид Линдгрэн употребляет похожий фразеологизм-сравнение: "Lotta är envig som en gammal get" [ВВ: 12]. В тексте перевода был использован прием калькирования и получилось выражение: «Лотта упряма, как старая коза» [ДГ: 9]. Однако в русском языке нет сравнения упрямого человека с козой, а только с ослом или с бараном. К тому же, в отличие от шведского фразеологизма в русском нет никаких уточнений, типа «старая».

2.5 Обычаи и традиции

Описание обычаев и традиций занимает важное место в произведениях Астрид Линдгрэн. В анализируемых текстах большая часть встретившихся реалий из данной группы относится к празднованию Рождества. В текстах перевода данные реалии чаще всего сопровождаются сноской с пояснением. Это необходимо для того, чтобы у читателя сложилось правильное представление об иноязычной реалии.

Понятие "advent" является чужим для носителя русского языка. При переводе данной реалии используется прием транслитерации: «адвент» и приводится сноска: «В Швеции принято за четыре недели до Рождества отмечать его приближение. В первое воскресенье зажигают одну свечу, во второе — две, в последнее — четыре» [М-н: 135]. Данная сноска полностью раскрывает иноязычное понятие, поэтому в дальнейшем, если в тексте

встречается «адвент», переводчик не делает никаких дополнительных пояснений.

В Швеции на Рождество есть традиция — рассказывать "julberättelse" [Md: 124]. Дословно их можно перевести как «рождественские рассказы». Однако переводчик подменяет шведскую реалию русской, переводя данное сложное слово как «святочные рассказы» [М-н: 130]. В русской традиции «святочные рассказы» обычно рассказывались после Рождества и до праздника Богоявления. А в Швеции "julberättelse" – рассказывались перед Рождеством.

Примером реалии, относящейся к описанию шведских обычаев и традиций, может стать "fästmanstång" [Md: 126]. При переводе данной реалии была использована калька: «жениховский жезл» [М-н: 132] и дана сноска: «старинный обычай провинции Смоланд, откуда родом Астрид Линдгрэн». Однако данное пояснение не дает никаких указаний ни на то, как выглядит «жениховский жезл», ни на то, что он символизирует. Из контекста можно заключить лишь то, что он ставится на плиту, а затем украшается серебряной бумагой.

Другой реалией, описывающей обычаи и традиции, является выражение "doppa i grytan" [Md: 157]. В русском языке нет никакого аналога данной традиции, поэтому переводчик переводит это словосочетание, как «макать хлеб» [М-н: 168], и дает развернутое пояснение в сноске: «Тоже один из рождественских обычаев — макать хлеб в бульон, в котором варится окорок». Для произведения, рассчитанного на детей, данного пояснения более чем достаточно.

Название шведского праздника "midsommar" [VS: 99] было переведено как «день летнего равноденствия» [ОС: 112]. Однако такой перевод не является полностью эквивалентным шведскому понятию. На данный момент в русской культуре в день летнего равноденствия нет никакого праздника. У переводчиков нет единого мнения по вариантам перевода данного понятия шведской культуры на русский язык. Помимо варианта, предложенного в

тексте произведения, аналогом шведской реалии "midsommar" может послужить «Ночь Ивана Купала», «день летнего равноденствия», «день середины лета». В контексте детской литературы, более адекватным был бы перевод «праздник летнего равноденствия».

Еще одной шведской рождественской традицией было вешать на яблони снопики овса/ржи. По-шведски они называются "julkärvar" [Md: 149], [VS: 198]. В переводе «Мадикен» они называются «рождественские снопы» [М-н: 158], а в переводе «Мы на острове Сальткрока» делается уточнение того, из чего сделаны эти снопы: «рождественские ржаные снопы» [ОС: 289]. Из дальнейшего контекста повествования становится ясно, что лежит в основе данной традиции. Рождественские снопы вешались на деревья, чтобы подкормить птиц.

Поднятие флага, чтобы поприветствовать гостей, также являлось одной из шведских традиций. Она встречается, в частности, в «Эмиле». "Oj, vi har ju glömt att hissa flagan", sa Emils mamma" [Em: 48]. В своем переводе Лунгина воспользовалась приемом расширения, добавив в текст уточнение реалии: «Ой, мы забыли поднять флаг! — воскликнула вдруг мама Эмиля, потому что на хуторах был обычай приветствовать гостей поднятым флагом» [Эм Л: 21]. В переводе Брауде никакого уточнения или пояснения нет. Поскольку Лунгина сделала не сноску, а добавила пояснение в само произведение, ее перевод более адекватный, чем вариант Брауде без пояснений, так как для носителя русского языка поднятие флага не является знакомой традицией.

Следующая реалия также связана с флагом. Это — название датского флага, по-датски, а также по-шведски он называется "Dannebrogen" [Em: 57]. В своем переводе Брауде воспользовалась транслитерацией, получив «Даннеброг» [Эм Б: 17]. В переводе Лунгиной мы встречаем слово «датчанин» [Эм Л: 23] (взятое в кавычки). Поскольку дальше в тексте идет разъяснение значения слова "Dannebrogen", и первый, и второй переводы являются адекватными, хотя, вариант, предложенный Лунгиной, лучше

вписывается в канву повествования, и при этом он не перестает быть реалией.

В переводе следующего примера присутствует прием расширения: "Själv var Märta till den grad söt och fin i sin husmorsdräkt med recklad bomullskjolnoch vit snibbschal" [VS: 109] — «А сама Мэрта была такой милой и симпатичной в национальном костюме в кофточке и хлопчатобумажной юбке в складках, в бело шали с кистями» [ОС: 125]. В шведском оригинале идет просто описание костюма, без указания на то, что он — национальный. Любому шведу будет это понятно. Однако для носителя русского языка это не так. Без уточнения «в национальном костюме» наряд женщины перестанет быть для него реалией. К тому же у каждой шведской провинции свой собственный национальный костюм. Данный костюм — это костюм провинции Смоланд.

Шведское понятие "utflykt" [Md: 43] довольно трудное до перевода. В переводе «Мадикен» был использован вариант «экскурсия» [М-н: 32]. Однако, у данного слова есть еще аналог «пикник», который был бы более подходящим для данного контекста. Если дети собрались в поездку на природу, чтобы посмотреть горы и съесть бутерброды, такое времяпровождение было бы логичней назвать пикником. «Экскурсия» для носителя русского языка подразумевает под собой некую лекционную часть, и чаще всего ассоциируется с походом в музей.

В повести «Дети с Горластой улицы» также встречается понятие "utflykt" [ВВ: 26]. Но здесь в переводе был употреблен русский аналог «пикник» [ДГ: 20], который более адекватен, чем вариант «экскурсия», предложенный в «Мадикен». Хотя в «Мадикен» дети едут не с родителями, а с учительницей, их «экскурсия» проводится с целью отдохнуть, получить удовольствие, побывать на свежем воздухе. Конечно, для детей, живущих за городом, любая поездка на поезде может расцениваться как экскурсия, для носителя русского языка вариант «пикник» будет более адекватным. Данную

реалию можно было бы перевести просто как «поездка», но и в этом случае остается непонятным, куда они едут и зачем.

2.5 Песни

Еще одним примером реалий являются песни и стихи, в которых могут использоваться национально окрашенные слова. При переводе песен переводчик может выбрать один из двух способов: либо более точно передать смысл песни, либо сохранить ритм с незначительными неточностями в тексте. В анализируемых произведениях встретился как первый вариант, так и второй. Также в тексте может быть не только сама песня, но и ее название, которое может быть первой строчкой, и, следовательно, иметь некий ритм.

В «Мадикен» мы сталкиваемся, прежде всего, с названиями песен. Большинство из них — это песни, так или иначе относящиеся к религии. Например "Härlig är kvällen, fridfull och ren" [Md: 109] — это название псалма №45, датируемого приблизительно 1930 годом. На русский язык это название было переведено как «Вечер прекрасный, мирный покой» [М-н: 111]. Чтобы сохранить ритм оригинального названия, переводчик внес некоторые изменения в текст. Так, однородные прилагательные "fridfull och ren" (дословно «мирный и чистый») превратились в словосочетание «мирный покой».

Название другой песни "Så bister kall sveper nordavinder" было переведено, как «Как веет хладный ветер» [М-н: 91]. Однако в этом варианте перевода ритм отличен от шведского оригинала. Кроме того, русский вариант имеет немного другой смысл. Если переводить шведское название дословно, то получится: «Как дует сильный, холодный северный ветер». Русский глагол «веять» имеет немного другой смысл, чем шведский "sveper". "Att svepa" означает "att göra en stor cirkelrörelse", то есть совершать резкие круговые движения. А глагол «веять» лишен такой коннотации. В русском языке этот

глагол можно использовать, говоря о легком ветерке, но не о холодном северном ветре.

В переводе названия песни "Jesu järnväg till himmelen"[Md: 92] было сделано опущение компонента "Jesu". В русском варианте эта песня называется «Железная дорога в рай» [М-н: 91]. Переводчик опустил уточнение того, чья эта дорога. Если переводить дословно, но получится «Железная дорога Иисуса в рай» (или «на небеса»). В данном случае это опущение ничем не оправдано, следовательно, можно было бы обойтись и без него.

В переводе названия песни "Riddar Sankt Martinus red" [Md: 92] была допущена небольшая ошибка: в шведском оригинале глагол стоит в прошедшем времени — "red" — «ехал». Однако в русском тексте название этой песни звучит как «Скачет рыцарь Святой Мартин». Русский глагол «скакать» не является полным аналогом шведского "rida", так как "rida" означает просто «ехать верхом». Более точным переводом данного названия был бы вариант «Ехал рыцарь Святой Мартин».

Хотя в «Мадикен» чаще встречаются названия песен, а не тексты, последние также присутствуют. Например, несколько раз упоминается песня "Kom Adolffina", популярная во времена Астрид Линдгрэн. Писательница дает отрывок из текста песни:

"Kom, Adolffina,
kom, Adolffina,
ta mej om halsen,
kom, Adolffina,
kom, Adolffina,
följ mej i valsen..." [Md: 102].

В русском тексте был предложен вариант перевода с сохранением ритма, но с небольшими изменениями в смысле:

«О, Адольфина!
О, Адольфина!
Вместе забыться!
О, Адольфина!

О, Адольфина!

В вальсе кружиться!» [М-н: 102].

Если переводить дословно, то получится: «Приди, Адольфина, Приди, Адольфина, Обними меня за шею. Приди, Адольфина, Приди, Адольфина, Закружи меня (или «давай закружимся») в вальсе...». Переводчик не только заменяет слова, чтобы сохранить ритм оригинальной песни, но и убирает из русского варианта повелительное наклонение. В контексте детской литературы данные изменения вполне допустимы.

В произведении «Мы на острове Сальткрока» также встречаются названия песен и небольшие отрывки. Например, "(...) han sjöng riktigt vackert om "Roslagens famn" och "blommande ö" och allt det där" [VS: 101]. Из данного предложения можно заключить, что "Roslagens famn" и "blommande ö" — это названия двух песен. Переводчик предлагает следующий вариант: «(...) он с чувством распевал «Цветущий остров», «Объятия Руслагена» и всякие другие душещипательные песни» [ОС: 114]. Однако в тексте оригинала второе «название» написано со строчной буквы. На самом деле данные словосочетания являются первой строчкой песни Эверта Тоба (1890-1976): "I Roslagens famn på den blommande ö". Следовательно, более точным вариантом перевода станет следующее: «он очень красиво пел об «объятиях Руслагена» на «цветущем острове» и обо всем остальном».

Еще одним примером песни стал отрывок из произведения М. Бельмана (1740-1795):

"Världen är en sorgeö
bäst man lever skall man dö
och bli mull tillbaka..." [VS: 220]

Это отрывок из песни "Lilla Carl, sov sött i frid", посвященной сыну Бельмана. В своем варианте переводчик постарался передать смысл песни как можно более точно, при этом, не слишком меняя оригинальный ритм:

«Мир — это остров слез и печали,
Не успел свой век прожить,
Тут и смерть пришла,
Поминай, как звали...» [ОС: 266]

Существует и другой вариант перевода данной песни, сделанный И.М.Ивановским, более возвышенный, и, следовательно, более близкий к оригиналу по настроению:

«Земля - юдоль печали.

Всякий, кто дышит, умирает,

Возвращается в землю».

Но, говоря о детской литературе, вариант, предложенный в книге, будет более понятным ребенку. И хотя в нем нарушен ритм, все слова знакомы, и есть рифма.

Отрывок песни, написанной С. Хедборном (Samuel Hedborn (1783-1849)),

"Ute blåser sommarvind,

göken gal i högan lind" [VS: 209]

был переведен как

«Дует вешний ветерок,

Куковать кукушке в срок» [ОС: 253].

Однако, несмотря на сохранение ритма и рифмы, в переводе были допущены некоторые неточности. Например, в тексте оригинала ветер летний, а не вешний. Данная замена ничем не оправдана, так как при использовании прилагательного «летний» ритм остался бы прежним. В русском варианте второй строки нет уточнения места, которое есть в оригинале: "i högan lind" — «на высокой липе». Поскольку включение такого уточнения в русский вариант повлекло бы за собой нарушение ритма, вариант, предложенный переводчиком, можно считать адекватным.

В следующем примере перевода песни, переводчик отдалился от ритмической структуры оригинала при сохранении ритма, создав, по сути, новое произведение, на основе уже имеющегося:

"Jag skulle så gärna vilja gifta mej,

om jag hade någe på fötterna,

mor min har lovat mej strumpor och skor,

om jag håller mej inne om nätterna" [VS: 241].

«Без башмаков не выйти замуж,
Посулила мне их мать.
Если только вечерами
Я не буду пропадать» [ОС: 293].

Русский вариант песни выглядит более компактным, и его легче читать. К тому же, смысл шведского оригинала передан достаточно точно. Поэтому, несмотря на вольность перевода, данный вариант адекватен.

2.6 Названия растений

Названия растений также можно отнести к реалиям. При их переводе обычно используются устоявшиеся эквиваленты. Однако для одного и того же растения может быть несколько вариантов перевода, поскольку существуют как научные названия, так и народные, причем последних может быть несколько. В текстах анализируемых произведений названий растений встретилось всего несколько.

"Vi går omkring i en ånga av söta dofter från mandelblom och hundloka och älggras och klöver, prästkragar vaggas vid varenda dikesren om smörblommor lyser i gräset, törnrosornas skära skum beslöjar våra fattiga grå bergknallar och styvmorsviolier sprirar i skevorna" [VS: 100].

В русском тексте это предложение звучит так: «Мы гуляем по острову и вдыхаем сладкий аромат цветов камнеломки, морковника, таволги и клевера; у каждой канавки покачиваются ромашки, в траве желтеют лютики, розовая пена цветов шиповника покрывает наши голые серые скалистые уступы, и в каменных расселинах синеют анютины глазки» [ОС: 114].

В приведенном примере присутствует большое количество названий луговых растений. У слов "klöver, prästkragar, smörblommor, törnrosornas, styvmorsviolier" есть только один эквивалент, употребленный в тексте. Переводчик использовал русские аналоги «клевер, ромашки, лютики, цветы шиповника, анютины глазки» для перевода названий шведского оригинала.

При переводе слова "törnrosornas" было добавлено уточнение «цветы», так как шиповник у носителя русского языка ассоциируется не только с цветами, но и с самим кустарником. У шведских названий "hundloka" и "älggras" есть два варианта перевода. Первый, более научный, «дикий кервель и лабазник», а второй, использованный в тексте — «морковник» и «таволга». Поскольку речь идет о детской литературе, вариант, предложенный переводчиком адекватен. Еще одно название цветка "mandelblom" было переведено как «камнеломка». Однако эквивалентом данной реалии будет «цветы миндаля». Камнеломка — это совершенно другое растение, поэтому в данном случае вариант, предложенный переводчиком, нельзя назвать адекватным.

Еще одним примером неадекватного перевода названия растения является перевод шведского "rävgift" [OV: 91] как «лисий яд» [OC: 103]. Переводчик сделал кальку со шведского, без каких-либо пояснений. В русском языке «лисьим ядом» называется алкогольный коктейль, поэтому такой вариант перевода совершенно не вписывается в канву повествования. Адекватным переводом был бы вариант «волчьи ягоды».

2.7 Устаревшие реалии

В произведениях Астрид Линдгрен встречаются устаревшие реалии. В основном они относятся к началу прошлого века, хотя некоторые из них все еще сохранились в деревнях. Если ребенок всю жизнь провел в городе, то данная реалия будет непонятна ему.

В качестве примера несохранившейся реалии можно привести "telefonväxeln" [VS: 45]. В русском переводе был дан вариант «телефонный коммутатор» [OC: 47] без каких-либо пояснений. Из контекста понятно лишь то, что это — место работы, переводчик не дает никаких пояснений о роде деятельности. Возможно, это было сделано потому, что данная реалия встречается в тексте один единственный раз, поэтому она не слишком важна для понимания произведения.

Довольно устаревшему слову "spjället" был подобран русский эквивалент «вьюшка». Значение данного слова можно вывести из контекста, и если ребенок хоть раз видел, как топят печь, то у него должна возникнуть определенная ассоциация с этим словом, даже если он не знает его значения.

Шведское предложение "Däremot kunde man tänka sej en hacka åt den som ska kånka in vattnet" [VS: 29] имеет следующий перевод в русском тексте: «А вот журавль был бы кстати» [ОС: 28]. Устаревшая реалия «журавль» не имеет никаких пояснений. Также, из-за сокращения предложения оригинала (из него была исключена вторая часть «чтобы доставать воду») ребенку может быть не понятно, то имеется в виду. В некоторых русских деревнях еще сохранились колодезные журавли, но ребенок может и не знать о таком приспособлении. Возможно, стоило дать сноску или пояснение в тексте того, что это такое.

В предложении "(...) med Jansson på kuskocken" [VS: 191] также присутствует устаревшая реалия деревенской жизни. Переводя предложение как «(...) на облучке за кучера восседал сам дядя Янсон» [ОС: 230], переводчик использует вышедшее из употребления понятие «облучок». Чтобы не делать сноску, в русский текст было добавлено уточнение «за кучера». Поэтому перевод адекватен. Но можно было бы использовать слово «на козлах», что позволило бы избежать расширения реалии в тексте перевода.

«Велосипедные защипки» [М-н: 77] также относятся к устаревшим реалиям. По-шведски они называются "cykelklämmor" [Md: 81]. Это были специальные прищепки, которые цепляли к брюкам, чтобы те не попали в велосипедную цепь. Поскольку данная реалия встречается в тексте всего один раз, она не нуждается в пояснении. С другой стороны, у ребенка может возникнуть неправильное представление о характере этих «защипок». Возможно, переводчику стоило добавить пояснение в текст: «велосипедные защипки для брюк», чтобы реалия не была трактована неверно.

В «Эмиле» также встречаются устаревшие реалии. Например, "ordförande i kommunalnämnden" [Em: 8] у Лунгиной переведен как «председатель сельской управы» [Эм Л: 6], а у Брауде — «председатель муниципалитета» [Эм. Б: 2] и дана сноска: «муниципалитет — выборный орган местного самоуправления». Конечно, перевод понятия "kommunalnämnden" как «муниципалитет», более точен, но в контексте детской литературы важна не точность, а понятность. К тому же, муниципалитет – это единица современного административного деления Швеции. В дореволюционной России использовался вариант «сельские управы». Следовательно, вариант, предложенный Лунгиной, более адекватен. Она не дает своих пояснений, так как Линдгрэн в следующем предложении пишет, что этот человек — самый уважаемый, а значит, не слишком важно, чем он занимается.

Следующий пример также лишен дополнительных пояснений, поскольку автор дает их в тексте: "att exercera bevärning" [Em: 86]. Лунгина предлагает вариант «военные сборы» [Эм Л: 34], а Брауде — «отбывать воинскую службу» [Эм Б: 28]. Перевод, предложенный Лунгиной, более близкий к оригиналу, поскольку «воинская служба» подразумевает под собой не тренировки на пару часов поблизости от дома, а то, что солдаты уезжают надолго.

2.8 Реалии, переводимые с использованием сноски

Национально-специфические слова, характерные для произведений Астрид Линдгрэн, в текстах переводов часто сопровождаются подстрочными сносками. Например, в предложении "(...) med kala kobbar och skär" [VS: 5] встречается реалия "skär". В русском языке есть устоявшийся вариант перевода данной реалии — «(...) где торчат из-под воды лишь голые скалы да шхеры» [ОС: 2]. Но поскольку произведение рассчитано на детскую аудиторию, к реалии «шхеры» дается сноска: «скалистые острова или группы

подводных или прибрежных скал». Единственное, что кажется странным, это то, что слово «шхеры» встречается в тексте несколькими предложениями раньше, однако пояснение дано только здесь.

Еще один пример реалии — это "minnesruna" в предложении "Men för säkerhets skull ska jag pränta en liten minnesruna över den" [VS: 100]. Перевод предложения следующий: «Чтобы сохранить память о нем (прим. о вечере – Е.В.), я составлю руны» [ОС: 113], со сноской «руны — древнескандинавские письмена, выбитые на камне или на металлической пластинке». Но русским эквивалентом "minnesruna" является «некролог». Конечно, такой перевод будет очень странно выглядеть в тексте перевода, тем более, что речь идет о вечере. Но и громоздкий вариант «руны» и сноска также не слишком подходящий. Можно было бы перевести данное предложение как «Я запишу о нем, чтобы никогда не забыть», тем самым, избегая дополнительных сносок, но сохраняя смысл предложения.

В русском варианте следующего предложения также используется сноска для объяснения реалии: "(...) och jag stod där och kände mig lingful och gammalsvensk som aldrig förr (...)" [VS: 114]. «Теперь я представляла себя девой с льняными волосами из древней саги» [ОС: 133]. Для слова «сага» дается следующее пояснение: «сага — древнескандинавское героическое сказание в прозе». В тексте оригинала отсутствует эта реалия. "Gammalsvensk" — это отсылка к песне, которая упоминалась в тексте чуть раньше. Там это слово было переведено как «древнешведский», хотя этот вариант лучше было бы поменять на «старошведский». Но было бы странно называть так молодую девушку, пусть это были всего лишь ее собственные мысли. Поэтому переводчик включил в русский вариант текста реалию, которая отсутствует в оригинале.

Еще одним примером перевода реалии с использованием пояснения в сноске является имя короля "Gustaf V" [Md: 123]. Переводчик не только добавил пояснение в тексте, написав «Густав V Адольф» [М-н: 129], но и дал сноску: «Густав V Адольф (1858-1950), с 1907 года — король Швеции». В

тексте речь идет о монете, на которой изображен портрет короля. Следовательно, понять то, кто такой Густав V можно из контекста и в переводе можно было бы обойтись и без данного пояснения. Тем более что оно включает цифры, а в детской литературе лучше обходиться без них.

Выводы ко Второй главе

Реалии – характерная особенность художественного текста. Они отражают культурную отнесенность произведения, помогают создавать национальный колорит. Количество реалий, используемых автором зависит, прежде всего, от самого писателя. Некоторые злоупотребляют культурно-специфическими словами, другие – наоборот используют их в меньшей степени. Однако реалии всегда присутствуют в тексте оригинала, поэтому они должны передаваться и в тексте перевода.

В своих произведениях Астрид Линдгрен использует достаточно большое количество реалий различного типа. Чаще всего это реалии, описывающие быт и традиции шведской загородной жизни. Часть этих реалий – устарела, поэтому автор дает необходимые пояснения в самом произведении.

При переводе реалий на русский язык переводчики использовали разнообразные способы и приемы. Там, где это представлялось возможным, реалиям подбирались соответствующие эквиваленты на русском языке. При переводе шведских фразеологизмов самым распространенным способом перевода стало калькирование.

Заключение

В соответствии с поставленными задачами было проведено исследование и сделаны следующие выводы:

- поскольку реалии относятся к классу безэквивалентной лексики, для них нет устоявшихся способов перевода и передачи, они варьируются от текста к тексту;

- существует несколько классификаций реалий, внешне схожих, но имеющих некоторые различия в наименовании классов и их количестве. Эти классы строятся по временному, местному, семантическому, грамматическому принципам;

- при переводе реалий используются такие приемы, как транскрипция (транслитерация), калькирование, описательный перевод, гипонимический перевод, замена реалии аналогом, лишенным национального колорита;

- выбор способа перевода реалии зависит, прежде всего, от ее места в тексте оригинала. Реалия может опускаться в переводе, если она не несет большой смысловой нагрузки;

- в анализируемых текстах перевод большинства реалий был адекватным. Однако встретилось несколько примеров, в которых следовало бы предложить иной способ перевода реалии на русский язык.

Реалии служат для передачи культурного колорита в тексте произведения. Каждый раз, сталкиваясь с реалией в тексте оригинала, переводчик должен выбрать один из способов передачи реалии. От этого будет зависеть, насколько понятным будет текст для носителей иного языка. А в контексте детской литературы, следует учитывать специфику произведений для ребенка. Но в большинстве случаев переводчики предлагают адекватные варианты перевода иноязычных реалий, передавая как национальную специфику, так и смысл безэквивалентной единицы языка.

Список использованной литературы

1. Алексеева И.С. Введение в переводоведение. – М.: «Академия», 2004. – 352 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская Энциклопедия, 1966. - 607 с.
3. Бархударов Л.С. Язык и перевод. – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
5. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. – Москва, 1973. – 126 с.
6. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. – М.: Русский язык, 1980. – 320 с.
7. Виноградов, В. В. О языке художественной прозы / В.В. Виноградов. – М.: Гос. Издательство, 1930. – 175 с.
8. Виноградов В.С. Введение в переводоведение. – М.: ИОСО РАО, 2001. – 222 с.
9. Виноградов В.С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. – М.: Издательство Московского университета, 1978. – 172 с.
10. Виноградов В.С. Перевод. Общие и лексические вопросы. – М.: Книжный дом «Университет», 2006. – 235 с.
11. Влахов С. Флорин С. Непереводимое в переводе. – М.: Международные отношения, 1986. – 416 с.
- 1 2 . Галеева Н.Л. Переводимость и некоторые принципы достижения адекватности перевода//Перевод как процесс и как результат: язык, культура, психология. – Калинин: Калининский государственный университет, 1989. – С. 81-88.

13. Григорьев, В. П. Грамматика идиостиля / В.П. Григорьев; под ред. В. Хлебникова. – Москва, 1983. – с. 54-105.
14. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: ИТДГК «Гнозис», 1999. – 288 с.
15. Жолковский, А. К., Щеглов, Ю. К. Работы по поэтике выразительности: Инварианты — Тема — Приемы — Текст. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. – 344 с.
16. Золян, С. Т. К проблеме описания поэтического идиолекта / С.Т. Золян. – Москва, 1986. – 156 с.
17. Золян, С.Т. От описания идиолекта – к грамматике идиостиля / С.Т. Золян // Язык русской поэзии XX в.: сб. научных трудов. – Москва, 1989. – 91 с.
18. Иванов, В. В. О языковых причинах трудностей перевода художественного текста / В.В. Иванов // Поэтика перевода. – Москва, 1988. – 115 с.
19. Казакова Т.А. Практические основы перевода. – СПб.: Союз, 2002. – 319с.
20. Казакова Т.А. Роль речемыслительного стереотипа в художественном переводе//Перевод как процесс и как результат: язык, культура, психология. – Калинин: Калининский государственный университет. 1989. – С. 51-57.
21. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. — М.: Наука, 1987. – 189 с.
22. Келтуяла В.В. О переводе интернациональных слов. //Тетради переводчика, вып. 4. – М.: Международные отношения, 1967. – с. 47-55.
23. Комиссаров В.Н. Перевод в аспекте корреляции “Язык – речь”//Вопросы теории перевода. – М.: Московский государственный институт иностранных языков им. Мориса Тореза, 1978. – С. 5-13.
24. Комиссаров В.Н. Теория перевода. – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.
25. Комиссаров В.Н. Общая теория перевода. Проблемы переводоведения в освещении зарубежных ученых (уч. пос.). – М.: ЧеРо, 1999. – 132 с.

26. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. – М.: «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2001. – 415 с.
27. Крупнов В.Н. В творческой лаборатории переводчика. – М.: Международные отношения, 1976. – 192 с.
28. Латышев Л.К. Курс перевода (эквивалентность перевода и способы ее достижения). – М.: Международные отношения, 1981. – 244 с.
29. Латышев Л.К. Технология перевода. – М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2000. – 278 с.
30. Левицкая Т.Р., Фитерман А.М. Проблемы перевода. – М.: Международные отношения, 1976. – 205 с.
31. Парфенов А.Т. О специфике художественной литературы для подрастающего поколения. В кн.: Книга ведет в жизнь. – Москва, 1964. – С. 53-83.
32. Репин Б.И. Национально-специфические слова-реалии как особая часть лексики в переводимом произведении. //Сб. Теоретические и практические вопросы преподавания иностр. яз. – Москва, 1970. – С. 87-98.
33. Садыкова Г.З. Компенсация абсолютной фразеологической лакунарности при переводе//Экспрессивность текста и перевод. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1991. – С. 79-83.
34. Томахин Г.Д. Прагматический аспект лексического фона слова // Филологические науки, № 5, 1988. – С. 5- 90.
35. Томахин Г.Д. Реалии-американизмы. М.: Высшая школа, 1988. 239 с.
36. Томахин Г.Д. Реалии в языке и культуре//ИЯШ. – №3, 1997. – С. 13-19
37. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. – М.: Высшая школа, 1983. – 303 с.
38. Швейцер А.Д. Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988. – 215 с.
39. Шумагер Е.И. Фоновая лексика, ее своеобразие и связь с культурой//Лексика и культура. – Тверь: Тверской государственный университет, 1990. – С. 124 –129.

40. Bamberger, R. The influence of translation on the development of national children's literature. I Klingberg G., Ørvig M. & Amor, S. (red.), Children's books in translation. The situation and the problems. Uppsala: The international research society for children's literature, 1978. – P. 19-27.
41. Collier, M.J. Cultural identity and intercultural communication. I Porter, R.E. and Samovar L.A. (red.). Intercultural communication. Belmont: Wadsworth Publishing Company, 1997.
42. Edström, V. Astrid Lindgren - Vildtoring och lägereld. Stockholm: Raben & Sjögren, 1992.
43. Ingo, R. Från källspråk till målspråk. Lund: Studentlitteratur, 1991. – 284 s.
44. Jakobson, R. On linguistic aspects of translation. I Brower R. (red.), On translation. Cambridge: Harvard University Press, 1959. – P. 232-239.
45. Newmark, P. A textbook of translation. London: Pergamon Press, 1988. – 293 p.
46. Newmark, P. Approaches to translation. London: Pergamon Press, 1981. – 201 p.
47. Nikolajeva, M. Ed. Aspects and issues in the history of children's literature, 1995. – 224 p.
48. Oittinen, R. I am me – I am other: on the dialogics of translation for children. Tampere: University of Tampere, 1993. – 219 p.
49. Oittinen, R. Translation for children. London: Garland, 2000. – 224 p.
50. Outin, J. Översättningen som kulturbrygga. I Blomqvist L.E. & Löfgen, M. (red.), Något att orda om. Stockholm: Nordstedts Förlag AB, 1997. – S. 43-62.
51. Puurtinen, T. Linguistic acceptability in translated children's literature. Joensuu: University of Joensuu, 2005. – P. 54-64
52. Skott, S. Karlsson på taket i rysk översättning, i: En bok om Astrid Lindgren, red av Mary Ørvig Stockholm: Rabén & Sjögren, 1977. – S. 84-132.
53. Sundström, G. Att översätta måttord. Språkvård 2/2001. – S. 4-9.

Список источников примеров

1. Lindgren, A. Barnen på Bråkmakargatan. Stockholm: Rabén & Sjögren, 1960 – 81 s.
2. Lindgren, A. Emil i Lönneberga. Stockholm: Rabén & Sjögren, 1963. – 125 s.
3. Lindgren, A. Madicken. Stockholm: Rabén & Sjögren, 1976. – 187 s.
4. Lindgren, A. Vi på Saltkrockan. Stockholm: Rabén & Sjögren, 1964. – 359 s.
5. Линдгрэн А. Дети с Горластой улицы/ Пер. со шв. Л. Горлина. – М.: Махаон, 2013. – 96 с.
6. Линдгрэн А. Мадикен/ Пер. со шв. И.П. Стреблова. – М.: Детская литература, 1990. – 205 с.
7. Линдгрэн А. Мы на острове Сальткрока/ Пер. со шв. О. Мязотс. – М.: АСТ, 2009. – 352 с.
8. Линдгрэн А. Приключения Эмиля из Леннеберги: Повесть-сказка/ Пер. со шв. Л. Лунгиной. – СПб.: Азбука-классика, 2003. – 240 с.
9. Линдгрэн А. Эмиль из Леннеберги/ Пер. Со шв. Л. Брауде и Е. Паклина. – СПб.: Азбука, 1997. – 102 с.